

Образы России с XVII по XXI вв.

Poszt-Szovjet Füzetek XIX. /
Пост-советские тетради XIX.

Szerkesztőbizottság /
Редакционная коллегия:

*Дюла СВАК (главный редактор),
Жужанна ДИМЕШИ, А.В. ГОЛУБЕВ*

Образы России с XVII по XXI вв.

Материалы симпозиума
от 26 октября 2012 г.
(Центр русистики при ЭЛТЕ, Будапешт)

RUSSICA PANNONICANA

© Szvák Gyula ed., 2013
© Russica Pannonicana, 2013

ISBN 978-963-7730-90-0

ISSN 1215 2560

Felelős kiadó a Magyar Ruszisztikai Egyesület elnöke és az ELTE
BTK Ruszisztikai Kutatási és Módszertani Központ vezetője/
Ответственный издатель председатель Венгерского общества
русистов и руководитель Исследовательского
и методологического центра русистики ЭЛТЕ

Ответственный за техническое оформление: *А.Л. Клейтман*
Редактор: *М.И. Мульганова*

Обложка и компьютерная верстка: *Г.В. Подшиваловой*

Отпечатано в Demax Művek Nyomdaipari Kft.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Свак</i> Мнение венгерского населения о русских по результатам общественных опросов (Вместо предисловия)	7
<i>И.В. Кондаков</i> Восточно-европейский культурный узел: рождение новых глобалитетов	13
<i>Zs. Kószeghy</i> The Image of Muscovy in the Eyes of a Forgotten Hungarian Traveller at the Beginning of the 17 th Century	25
<i>П.С. Куприянов</i> Интерпретация культурных различий в русском путешествии начала XIX в. на примере Венгрии	35
<i>G. Kecskeméti</i> An Introduction into the Hungarian Russophobia in the 19 th Century – Stereotypes, the Image of Russia, and the Russian-Hungarian Connections	47
<i>С. Шухайда</i> Образ России в Венгрии перед революцией 1848–1849 гг.	61
<i>М.М. Кудюкина</i> Российское крестьянство и мировая революция	73
<i>А.В. Голубев</i> Типология инокультурных представлений в российском/советском обществе первой половины XX века	85

Д. Свак

Мнение венгерского населения о русских по результатам общественных опросов

Вместо предисловия

Начиная с 2002 года, а в особенности после 2005 года, венгерско-русские связи значительно приумножились и улучшились. Представители русистики уже давно прилагали усилия для развития этих связей, Общество и Институт венгерской русистики именно для этого и были созданы в 1990 году – в период резкого ухудшения венгерско-русских отношений, однако в течение первых 15 лет после смены политического режима внимание венгерской политической элиты было приковано исключительно к Западу. Хотя к середине прошлого десятилетия под влиянием экономических интересов ситуация сдвинулась с мертвой точки, неясно было, какие слои населения затронули все эти процессы, насколько они находят поддержку в обществе.

Принимая во внимание целый ряд факторов (уже считающееся традиционным исторически детерминированное враждебное отношение венгров к России, насильно навязанную после 1945 года советскую модель, а также грубую русофобию начала 1990-х годов), мы сочли целесообразным провести исследование, направленное на выяснение отношения венгров к русским, полагая, что без него все рассуждения на эту тему остаются всего лишь догадками. Ввиду того, что такие исследования раньше не проводились, составленная нами анкета объединила несколько подходов, и результаты её могут быть использованы для разных целей.

2006

Исследование OMNIBUSZ провело ЗАО TÁRKI. Этот опрос по репрезентативной выборке населения проводился среди 1033 венгров. Анкета содержала несколько десятков вопросов, только определенная часть которых относилась непосредственно к русским, таким образом, респонденты не осознавали, что их ответы станут материалом для многостороннего анализа их мнения о русских. Опрос был проведен в середине сентября в стране, уже охваченной предвыборными страстями (выборы в органы местной власти состоялись 1 октября), но еще до осады здания Венгерского Телевидения, (в ходе которой манифестантами был осквернён Монумент советским воинам).

Первый вопрос (Какая нация из пяти приведённых ниже вам нравится?) был направлен непосредственно на отношение венгерского населения к русским – в рамках сравнения их с другими нациями. По пятибалльной шкале сложилась следующая последовательность: 1) шведы (3,87), 2) немцы (3,40), 3) американцы (3,18), 4) русские (2,77), 5) румыны (2,37). Интересно, что чем старше и образованнее респондент, тем положительнее его отношение к русским (а с американцами, например, дело обстоит как раз противоположным образом). Итак, самую положительную оценку получил живущий дальше всего от нас, малознакомый, но пользующийся всеобщим признанием народ, а самую отрицательную – наши непосредственные соседи. Мнение о русских близко к отношению к румынам, но при этом оно незначительно отстает от отношения к американцам.

Если первый вопрос был направлен прежде всего на положительную – с точки зрения истории – оценку, то второй – на отрицательную: надо было назвать те нации, которые оказали наиболее негативное влияние

на венгерскую историю. Результат оказался не лишеным символического смысла: 56% респондентов назвали русских, 50% – турков. Это, несомненно, свидетельствует о том, что, хотя в последние 15 лет историю как предмет в школах никто не отменял, из-за историко-политической близости событий «вредителями» №1 в венгерской истории оказались русские, отобрав тем самым первое место у контролировавших на протяжении 150-ти лет значительную часть Венгрии турков. Фашизм и нацистская оккупация со своими 38% практически релятивизировались, а господство Габсбургов и вовсе облагородилось в коллективной памяти (24%).

Следующие два вопроса касались места и важности русского языка в мире. На вопрос, какой язык стоит изучать, английский далеко опередил все остальные – 80% всех респондентов поставили его на первое место. Привожу здесь порядок расположения языков: 1) английский (35%), 2) немецкий (27%), 3) французский (13%), 4) итальянский (8%), 5) испанский (7%), 6) русский (5%). Преподаваемый до 1990 года в обязательном порядке, то есть изучавшийся большей частью венгров русский язык скатился на шестое место, хотя получил 7,5% всех упоминаний, что значительно превышает долю изучающих его сегодня в системе школьного образования, не достигающую и 1%.

На вопрос, считает ли респондент важным предоставить всем желающим возможность изучения русского языка в школах в качестве факультативного, ответы опрошенных были уже намного более уступчивыми. 46% респондентов высказались за то, что всем, кто хочет, надо предоставить эту возможность, 14% считают, что было бы хорошо, если бы русский язык знало больше людей, и только треть респондентов ответила, что следует сосредоточиться на более эффективном преподавании западных языков.

Пятый вопрос ориентирован на знание русской культуры – в наиболее общей форме. Надо было назвать трёх представителей русской культуры, являющихся наиболее значительными с точки зрения культуры мировой. Самым неожиданным моментом здесь оказалась степень отсутствия подобных знаний у венгерского населения. Несмотря на то, что классики русской литературы и по сей день входят в программу школьного образования, 42% респондентов не смогли вспомнить ни одного имени. Упоминания расположились в следующем порядке: 1) Л.Н. Толстой (18%), 2) А.С. Пушкин (12%), 3) В.И. Ленин (10%), 4) П.И. Чайковский (8%), 5) Ф.М. Достоевский и М.С. Горбачев (с равным количеством процентов). Но и В.В. Путин не намного отстаёт – он на 8-м месте, а И.В. Сталин чуть-чуть не дотянул до первой десятки (11-е место).

Наконец, шестой вопрос был нацелен на венгерско-российские связи: экономические, политические и научно-культурные. Ответы оказались очень положительными. 65% венгерского населения считают, что надо развивать экономические связи, и только 5% высказались за то, что их надо ослаблять. Так же обстоит дело и с научно-культурными связями (61% и 2%). Относительно политических связей венгры ответили уже более сдержанно: 38% считают, что их надо развивать, в то время как 8% непременно желали бы их ослабить. Здесь надо заметить, что образование и желание развивать политические связи идут рука об руку (начальное образование: 33%, среднее: 43%, высшее: 53%).

Каковы общие выводы, которые можно сделать из этого исследования? Мнение венгерского населения о русских немного хуже среднего, и 56% (в первую очередь, молодые люди от 18 до 39 лет) считают, что русские особенно отрицательно повлияли на венгерскую историю. Культуру их они знают на редкость плохо, но, несмотря на неприятные воспоминания, считают важ-

ным их язык и обнаруживают уступчивость в вопросе преподавания. Большинство венгров хочет развивать экономические и научно-культурные связи, а нынешний уровень политических отношений ослабило бы только незначительное меньшинство респондентов.

Детерминированное и на дальней (исторической), и на ближней (политической) перспективах, усугубленное многовековыми заблуждениями, предубеждениями и искажениями, всегда – независимо от политической ориентации – одностороннее мнение о русских сегодня свободно от всех крайностей, свидетельствует об открытости, носит, в конечном счете, реалистический и прагматический характер. И это вопреки всем идеологическим и политическим попыткам проявить насилие.

2012

В сентябре 2012 г. институт TÁRKI по поручению Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвёша повторил опрос по сходной методике и репрезентативной выборке.

Что изменилось? Главное, что результаты опроса практически остались прежними, это свидетельствует об относительной долгосрочности, стабильности тенденций, установленных в ходе первого опроса.

Результаты по конкретным вопросам в их последовательности:

1. 1) шведы – 3,57; 2) немцы – 3,31; 3) американцы – 3,11; 4) русские – 2,64; 5) румыны – 2, 27.

2. 1) турки – 51%; 2) русские – 47%; 3) немцы – 38%; 4) татары – 32%; 5) Габсбурги (австрийцы) – 26%.

3. 1) английский – 34%; 2) немецкий – 26%; 3) французский – 10%; 4-5) испанский, русский – 6%; 6) итальянский – 5%.

4. Можно было бы расширить сферу преподавания русского языка – 22%; пусть русский учат все желающие – 36%.

5. 1) Толстой – 17%; 2) Пушкин – 13%; 3) Ленин – 10%; 4) Горький – 6%; 5) Горбачев – 6%. При этом Путин на 9-м и Сталин на 10-м месте (с равным количеством процентов – 4%).

6. Расширение экономических связей – 68%; свертывание экономических связей – 5%. Расширение политических связей – 44%; свертывание политических связей – 10%. Расширение научных и культурных связей – 57%, свертывание научных и культурных связей – 5%.

Сигнификативное изменение наблюдается при ответе на 2-й вопрос: его значение в том, что Россия уже не кажется венграм историческим врагом номер один; при ответе на 4-й вопрос, где на 8% возросло количество лиц, поддерживающих расширение сферы преподавания русского языка, а также при ответе на 6-й вопрос, где заметен дальнейший рост и без того высокого уровня поддержки расширения венгерско-российских связей (в случае культурных связей наблюдается противоположная тенденция, но это, предположительно, объясняется общим ослаблением позиций культуры в современном обществе).

И.В. Кондаков

Восточно-европейский культурный узел: рождение новых глобалитетов

1. ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Глобализация – это поле борьбы разных интегративных тенденций, соревнующихся между собой за приоритеты и гегемонию в мировом культурно-историческом процессе¹, и это значит, что неизбежно возникают различные конфигурации глобализационных процессов (например, в Европе – западноевропейская и восточноевропейская, а в последнее время еще и центрально-европейская). На месте очень дробной градации этнических и национальных систем, образующих в совокупности целое мировой культуры, в процессе глобализации возникают укрупненные (регионально-континентальные) блоки локальных культур, каждый из которых характеризуется своей стратегией глобализации, своими результатами интеграции, особыми тенденциями в развитии интеграционных процессов в каждом специфическом регионе мира, своим видением всемирного целого.

Глобализационные процессы, происходившие за последние два с половиной тысячелетия на европейском континенте, первоначально развивались очень медленно. Длительное время в Древнем мире существовала граница, отделявшая античную цивилизацию (прежде всего греческий полис) от ближневосточных деспотий и теократий². Однако в

процессе эллинизации Средиземноморья и прилегающих центрально-азиатских территорий эта граница размылась, а глобальное Средиземноморье стало пространством Римской империи. Раскол Римской империи на Западную и Восточную, а позднее – противостояние Священной Римской империи и Византии предопределили различие Западной и Восточной Европы. Разделение христианских церквей и институализация католицизма и православия; экспансия монголов и османских турок в Восточную Европу закрепили политическое, религиозное и культурное разделение Западной и Восточной Европы как разных европейских глобальных проектов.

В процессах глобализации, имеющих многовековую историю, но интенсифицировавшихся в последние полвека, происходит не только сближение и взаимопроникновение различных локальных культур, но и формирование новых культурных идентичностей, не совпадающих с этно-национальными. По своей структуре такие культурные идентичности представляют собой единство трех ментальных измерений – менталитета, локалитета и глобалитета. *Менталитет* каждой национальной культуры выражает формы ее самосознания и является коллективным бессознательным. *Локалитет* характеризует место данной культуры среди смежных или родственных ей национальных культур и складывается как фокус взаимодействия локальных культур, многократно преломленный через призмы этнокультурных и политико-идеологических стереотипов. *Глобалитет* данной культуры определяет ее положение в мировой культуре, а значит, с одной стороны, выражает ее «всемирную отзывчивость», а с другой – ее реальное или потенциальное всемирно-историческое значение и влияние³.

Национально-культурные идентичности исторически изменчивы, их составляющие являются переменными величинами. Медленнее и незаметнее всего меняются менталитеты, оставаясь практически неизменными на протяжении многих веков; ломки менталитетов драматичны и не осуществимы до конца (например, в России – Крещение Руси, Петровские реформы, наступление и крушение Советской власти и т.п.).

Более подвижны локалитеты, которые зависят от миграции этносов, динамики межэтнических и межгосударственных отношений, развития и разрешения межэтнических конфликтов, политико-идеологических установок. Таковы славянское, романское и германское «единства», пантюркизм; «новая историческая общность» – *советский народ* и др.

Формирование глобалитетов происходит в зависимости от стечения множества обстоятельств, однако эти составляющие национально-культурных идентичностей отличаются чрезвычайной нестабильностью и имеют волнообразный характер. Та или иная локальная культура может несколько раз за свою историю переживать подъем и спад глобалитета, но может пережить подъем глобалитета лишь единственный раз или не достигнуть своего глобалитета ни разу, несмотря на все свои усилия войти в состав мировой культуры и участвовать в глобализационных процессах⁴.

Наряду с общим историческим подъемом национального глобалитета целой культурной эпохи, проявляющимся сразу в нескольких измерениях – социкультурном, идейно-политическом, эстетическом, международном и т.п., существуют и частные проявления глобалитета той или иной локальной культуры – в форме отдельных артефактов или творчества выдающихся деятелей культуры (науки и

философии, литературы и искусства), обретающих мировое влияние и значение. Так, например, творчество классиков русской литературы XIX в. – Пушкина, Л. Толстого, Достоевского, Чехова и др., способствовавшее подъему глобалитета русской классической культуры и всей России, само по себе обладает статусом *частных глобалитетов*, как и их наиболее значительные и новаторские произведения («Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Л. Толстого, «Братья Карамазовы» Достоевского, «Вишневый сад» Чехова и т.д.). Подобный статус присущ, к примеру, и венским классикам европейской музыки конца XVIII – начала XX вв. (творчество Й. Гайдна, В.-А. Моцарта, Л. ван Бетховена, Ф. Шуберта, Ф. Листа и т. д., вплоть до И. Брамса, А. Брукнера и Г. Малера), а позднее, в XX в. – и нововенским классикам, своеобразно продолжившим искания своих великих предшественников.

2. ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ УЗЕЛ

Чрезвычайно интересен для культурологического и цивилизационного анализа *восточноевропейский культурный узел*, глобальный феномен, сложившийся в XVIII и развязавшийся в XX веке. Восточноевропейский культурный узел (захватывающий территориально нынешнюю Центральную Европу) исторически связан с формированием и распадом двух великих европейских империй – Австро-Венгрии и России. Каждая из них была многонациональной и поликультурной, сочетая в себе противоречивые черты «тюрьмы народов» и «плавильного котла». Иначе говоря, в рамках восточноевропейского культурного узла действовали *два эпицентра культурной интеграции и дифференциации*, в которых присутствовали как центробежные, так и центростремительные силы. В разные периоды культурной истории двух империй преобладали то

интегрирующие, то дифференцирующие тенденции, взаимно коррелирующие свои установки и в то же время упорно противоборствующие между собой и друг с другом.

Первотолчком для разносторонней активизации восточноевропейского культурного узла стала Первая мировая война, приведшая к распаду Австро-Венгрии и Российской империи и образованию ряда независимых восточноевропейских государств со своими локальными культурами и национальными интересами, т.е. к победе дифференцирующих тенденций в рамках данного локалитета. Культурная дифференциация в границах культурного узла приводила к торжеству интегративных тенденций в рамках каждой локальной культуры, интериоризировавшей в себе общие свойства узла и тем самым укрупнившейся в общевропейском масштабе.

В России интегрирующие тенденции носили в целом более жесткий и насаждаемый «сверху» авторитарный характер, что официально выражалось в знаменитой «уваровской» формуле (триаде): «Православие – самодержавие – народность», изначально противостоявшей лозунгу Великой Французской революции «Свобода – равенство – братство» как национальный ответ на западный вызов⁵. Это вело к формированию в России «государствоцентризма» и засилию официальной цензуры в русской культуре, а подспудно – к центробежным протестным, радикально-демократическим, революционным движениям.

Соединение этих, во многом противоположных, хотя и взаимосвязанных тенденций привело в России, в конечном счете, к формированию *советского тоталитаризма*, послужившего цивилизационным образцом для итальянского фашизма и германского нацизма, а позднее навязанного Советским Союзом странам Восточной Европы, насильно превращенным в «социалистический

лагерь» по шаблону СССР. Опыт переживания тоталитаризма (сначала германского, а затем советского) – вольно или невольно – распространился на Восточную Европу в целом, в отличие от Европы Западной, знавшей лишь нацистскую оккупацию, притом в относительно «мягких», «мирных» формах.

Преодоление наследия советского тоталитаризма до сих пор остается в постсоветской России актуальной и не решенной до конца проблемой. Укрепление «вертикали власти», засилье «чекизма» и партийно-государственной номенклатуры, «управляемая демократия» и т.п. – все это черты «советского» в постсоветский период. Память о насаждении советского социализма не изгладилась и в тех восточноевропейских культурах, что после «бархатных революций» конца 1980-х гг. и распада восточноевропейского «социалистического лагеря» предпочли называться «центрально-европейскими», чтобы избежать ассоциаций с мрачным наследием Советского Союза как символа и оплота Восточной Европы.

Таким образом, к концу XX в., после распада СССР, Восточная Европа раскололась на Центральную и, собственно, Восточную Европу, к последней относятся теперь только Европейская часть России и европейские «осколки» бывшего СССР (Украина, Беларусь, Молдова и государства Балтии). Освобождение от наследия тоталитаризма и его преодоление стали главным итогом XX в. для Центральной Европы. В результате произошедшей в цивилизационно-историческом процессе *медиации*⁶ Центральная Европа стала «буферной зоной» между Западной и Восточной Европой.

В Австро-Венгрии интеграция изначально принимала более демократичные и гибкие федеративные формы, вызывая к жизни механизмы ограниченного самоуправления и относительной культурной автоно-

мии (у венгров, чехов, словаков, поляков, южных славян, румын), а значит, способствовали развитию национального свободолюбия и культурной независимости у народов, населявших Австро-Венгерскую империю. Многие исследователи полагают, что в габсбургской империи исподволь складывались отдаленные прообразы общеевро-пейского единства и европейской культурной интеграции⁷.

Неслучайно в западной части восточноевропейского культурного узла возникали во второй половине XX в. более либеральные режимы (по сравнению с советским) и *антитоталитарные движения* (в ГДР – в 1953, в Венгрии – в 1956, в Чехословакии – в 1968, в Польше – с конца 1970-х – до начала 80-х гг.), а позднее и антитоталитарные революции конца 1980-х, приведшие к распаду «социалистического лагеря» и концу коммунизма в Восточной Европе. Что же касается художественной культуры, то она практически никогда не ущемлялась в странах «советского блока» – ни политически, ни идеологически. Здесь никогда не боролись с абстракционизмом, формализмом и другими явлениями художественного авангарда; здесь никогда не запрещались додекафония, сериалистика, алеаторика в музыке; никогда искусство не становилось «служанкой политики», иллюстрируя готовые идеологические тезисы власти.

И даже когда в годы советского застоя советские чиновные литературоведы получили задание «сверху» – найти и изучить искусство социалистического реализма в соцстранах Восточной Европы, пришлось для начала поменять саму концепцию соцреализма как «исторически открытой, развивающейся системы художественных форм» (акад. Д.Ф. Марков⁸), в результате чего под соцреализм удалось «подверстать» и модернизм, и авангард, и критический реализм, и неоромантизм, и символизм, и все, что угодно.

3. НОВЫЕ ГЛОБАЛИТЕТЫ КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Интегративные процессы в России выдвинули в XIX – начале XX вв. русскую классическую культуру как «культуру-посредницу» и средство межнационального общения, а в самой русской классической культуре – важный механизм «*всемирной отзывчивости*» (впервые ярко проявившийся в творчестве Пушкина и категориально отмеченный в знаменитом очерке Достоевского «Пушкин»). Этот механизм, не распространившийся на другие национальные культуры России, позволил русской культуре интериоризовать в себе характерные черты зарубежных культур (прежде всего западноевропейских) и культур народов России (славянских и восточных – главным образом тюркских, финно-угорских и кавказских). Это позволило укрепить положение русской культуры как центральной, системообразующей среди других культур народов России, а впоследствии и СССР, призванной концентрировать и синтезировать достижения и особенности других национальных культур, как внутри России, так и вне ее.

Так сформировался *российский глобалитет, евразийский* по своему генезису и характеру⁹, позволивший русской, а вместе с ней и всей российской культуре войти в XIX – начале XX вв. в число мировых культур и оказать свое определяющее влияние на всемирную культуру в целом¹⁰. Сплачивая многонациональные культуры Российской Федерации и Восточной Европы, евразийский глобалитет в то же время отделял и обособлял их не только от Западной Европы, но и от Центральной Европы, усугубляя раскол Восточной Европы. Однако образовавшаяся смысловая граница между Восточной и Центральной Европой до сих пор остается еще зыбкой и неопределенной, различно трактуемой с разных сторон.

Неслучайно в современном российском словоупотреблении под термином «Восточная Европа» до сих пор понимается отнюдь не российская территория, и не постсоветское пространство Восточноевропейской равнины, а бывшие социалистические восточно-европейские страны – Болгария, Венгрия, Чехословакия, Румыния, Польша... Напротив, с центрально-европейской точки зрения, Восточная Европа – это именно Россия, Украина, Беларусь, Прибалтика, Молдова. Различные культурно-политические дискурсы по-разному определяют одно и то же цивилизационное пространство, что свидетельствует о существовании взаимоисключающих подходов к этой проблеме¹¹.

Интегративные процессы на постимперском пространстве бывшей Австро-Венгрии носили иной характер: они позволяли синтезировать своеобразные черты и общие особенности разных национальных культур (германской, угорской, славянской, романской, еврейской, цыганской и др.) и выработать *новое культурное качество* в разных сегментах культуры, не имеющее аналогов в предшествующем культурно-историческом развитии. С Веной и Будапештом как культурными центрами восточноевропейского узла связано рождение феноменов, имеющих всемирное значение: психоанализа З. Фрейда, нововенской музыки А. Шёнберга, А. Берга и А. Веберна, нововенской оперетты И. Кальмана и Ф. Легара, фольклорных и жанрово-стилевых исканий Б. Бартока и З. Кодая, философского позитивизма Э. Маха, феноменологии Э. Гуссерля, неомарксизма Д. Лукача, мифологизма К. Кереньи, лингвистической философии Л. Витгенштейна и методологии науки П.К. Фейерабенда, феноменологической социологии А. Шюца и П. Бергера, этологии К. Лоренца, математической теории К. Гёделя и многого другого. Новаторское литературное

творчество Г. фон Гофманшталя, А. Шницлера и Р.М. Рильке, Ф. Кафки и Р. Музиля, С. Лема и С. Мрожека, И. Эркена и В. Гавела также связано с центрально-европейским культурным узлом и его инновационным потенциалом¹².

В австро-венгерском ареале рождались *частные глобалитеты*, которые открывали путь в мировую культуру Австрии и Венгрии, Чехии и Словакии, Польше и Румынии, составлявшим периферию Европы, но при этом реализовавшим уникальный межкультурный синтез. Таково, например, искусство бидермайера¹³. Эти частные глобалитеты постепенно соединялись в мозаичное поликультурное единство, выражающее восточноевропейский (а затем – центрально-европейский) глобалитет как поликультурное целое.

Между тем, и в советской России возникали новые, нетрадиционные частные глобалитеты, лишь косвенно связанные с глобалитетом советского тоталитаризма и фактически противостоявшие ему, претендуя на новое видение мира в целом. Одни из них восходили еще к Серебряному веку или к 1920-м годам, т.е. были генетически связаны с опытом Первой мировой войны и Русской революции (вместе с Гражданской войной); другие родились после Второй мировой войны, в период «оттепели»; третьи выкристаллизовались в Русском Зарубежье, в трагическом противостоянии советской культуре и СССР; четвертые – были вынесены «девятым валом» «перестроечных» трансформаций, предвещавших конец коммунизма и распад СССР. Во всех этих случаях рождение новых глобалитетов было связано с процессами, ознаменовавшими собой кризис культурной и цивилизационной идентичности¹⁴.

Из этих и подобных частных глобалитетов в течение XX в. складывалась русская и российская

постсоветская культура, альтернативная советской, вливаясь в русло новых глобалитетов Европы, составляя вместе с другими аналогичными артефактами и персоналиями творческий вклад в мировую культуру XX – начала XXI вв. При этом частные глобалитеты различными своими гранями входили в восточно-европейский и центрально-европейский глобалитеты, воссоздавая их мозаичную, мультикультурную структуру и взаимно дополняя друг друга в глобальном общеевропейском контексте.

Рождение новых, качественно своеобразных, динамичных глобалитетов в двух эпицентрах восточно-европейского культурного узла было вызвано мощной «сшибкой» двух взаимоисключающих тенденций – распадом трех великих полиэтнических империй (Австро-Венгерской, Российской и Советского Союза), обладавших огромным интегративным межкультурным потенциалом, и возникновением на обломках этих империй национальных глобалитетов отдельных локальных культур, заявлявших о своей самобытности и независимости, а также о своей способности заместить былые имперские глобалитеты новыми – демократическими.

Сопряжение этих противоречивых тенденций привело к формированию двух тесно связанных, но противоположных по своим интенциям глобалитетов – *прототалитарного* и *антитоталитарного*. Их напряженным противостоянием и опасным взаимодействием наполнены глобализационные процессы Восточной и Центральной Европы в конце XX и в XXI веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кондаков И.В. Мировое сообщество как соревнование глобалитетов // Вестник РАЕН. – 2006. – Т. 6. – № 2. – С. 3–13.

² Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Наука; Глав. ред. вост. лит., 1977. – С. 58–63; 190–196.

³ Кондаков И.В. Глобалитеты культур: общее особенного // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. – М.: ГИИ, 2005. – С. 247–283.

⁴ Кондаков И.В. Глобалитет локальных культур (к постановке проблемы) // Традиционная культура. Научный альманах. – 2005. – № 2. – С. 60–70.

⁵ См. подробнее: Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Б.А. Успенский. Эпюды о русской истории. – СПб.: Азбука, 2002. – С. 404–407.

⁶ См. подробнее о медиации: Ахизер А.С. Труды. – Т. 2. – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 108–112.

⁷ См., например: Художественная культура Австро-Венгрии: Искусство многонациональной империи. 1867–1918 / Отв. ред.: Н.М. Вагапова, Е.К. Виноградова. – СПб.: Алетея, 2005.

⁸ Марков Д.Ф. Проблемы теории социалистического реализма. – М.: Худ. лит., 1975.

⁹ Кондаков И.В. Евразийский глобалитет: истоки, состояние и перспективы // Диалог цивилизаций в эпоху становления глобальной культуры. – М.: Государственный институт искусствознания, 2013. – С. 206–225.

¹⁰ Кондаков И.В. Глобалитеты культур: ... – С. 247–283; Кондаков И.В. Россия мира: Российский глобалитет в потоке мировой истории. Ст. 1: Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 160–176; Ст. 2: Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 157–171.

¹¹ См., например: Образ России с центрально-европейским акцентом. Сборник статей и материалов / Под ред. Дюлы Свак и Илоны Киш. – Будапешт: Russica Pannonica, 2010.

¹² См. подробнее: Шорске К.Э. Вена на рубеже веков: Политика и культура. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2001; Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова; Изд. Дом «Галина Скрипсит», 2009.

¹³ См.: Михайлов А.В. Искусство и истина поэтического в австрийской культуре середины XIX века // Языки культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 683–715.

¹⁴ См. подробнее в кн.: Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2011.

Zs. Kőszeghy

**The Image of Muscovy in the Eyes
of a Forgotten Hungarian Traveller at the
Beginning of the 17th Century**

Good morning, Ladies and Gentlemen. At the beginning, allow me to introduce myself. My name is Zsolt Kőszeghy and I am currently a doctoral student at EötvösLoránd University. Today I have the opportunity to present to you a part of my doctoral thesis, which is about a significant yet nearly forgotten Hungarian traveller, Zalánkeményi Kakas István, who went to Muscovy in the time of tsar Boris Godunov. So, without further ado, please allow me to begin.

Primary historic sources and the books of Hungarian historians of the 19th century present accounts of the life of Zalánkeményi, who was the first typical diplomat in the history of Hungary. He was born in 1558 into a wealthy family in Kolozsvár, Transylvania. His education was one of the best available in early modern Hungary: he was a student of the University of Vienna, where he got a doctorate. Then, he graduated from the University of Padua and Bologna as well. He returned to Transylvania as a man of erudition with a stunning knowledge of foreign languages. Zalánkeményi easily got a position in the court of Báthory Zsigmond, the prince of Transylvania. In 1590 Zalánkeményi became a notable judge, and in 1593 he was sent to Poland and England as a leader of Báthory's delegation. As a representative of the delegation he had the opportunity to speak at the court of Elisabeth, Queen of England. This had

a positive effect on his international reputation: he became a well-known diplomat of early modern Europe¹.

In 1602 Zalánkeményi was selected to lead the embassy of the Holy Roman Emperor, Rudolf II to Persia, to the court of shah Abbas. Because of the Turkish threat, Zalánkeményi had to travel through Poland and Muscovy. It was in Muscovy that he visited the court of Boris Godunov. The Hungarian diplomat got a fellow traveller who worked as his secretary. His name was Georg Tectander, a high-class student of German stock, who was highly proficient in a number of languages. The goal of the legation was to form an alliance with Persia against the Ottoman Empire. This diplomatic act had an important antecedent. In the year of 1600 Rudolf received the legation of the shah; this had to be requited. The day when the legation departed from the city of Prague was the 27th of August 1602.

The way to Persia was long and full of difficulties. The greatest problems were the plague and the bad quality of the roads. Because of the Black Death, the legation had to sleep in the open air because staying in cities or villages would have been too dangerous. Having travelled through Masovia and Lithuania, on the 15th of October the legation finally reached the Russian border, where they had to wait long for the delegation of Boris Godunov. On the 19th of October Zalánkeményi and his attendance arrived at Smolensk. It is written in Tectander's book that they could not proceed easily because of the incredibly cold weather and the bad quality of the roads. That is why it took a long time to get to Moscow; nevertheless, on the 9th of November, the legation reached the capital. After a few days, on the 27th of November they had the honour to take an audience by tsar Boris Fedorovich. We can read the descriptions and the memoirs of the two diplomats about Muscovy in the book of Georg Tectander.

The *IterPersicum* was not the first book about Muscovy in the German regions. An important representative of the West-European Muscovy-accounts is the book of Sigismund Herberstein. Just like Zalánkeményi, Herberstein was also a diplomat of the Habsburgs, called the '*servant of four Kings*'. The title of his book is *Rerum Moscoviticarum*. The text was edited several times in the Holy Roman Empire; therefore, it might have been known by the other diplomats of German stock. Herberstein visited the country of Vasilius III in 1517 and 1526. When he returned from the journey, he gave his description in the hands of Maximilian I. His book was edited at first in Vienna, in 1549 and then it had two other editions in Latin and three in German². The descriptions of Herberstein were very popular with the contemporary readers, who regarded the book as an encyclopaedia of Russian life. In the prologue of *IterPersicum* Georg Tectander says he knows '*that this sort of descriptions of the peregrinations are gladly received by gracious princes*'³. It can be assumed that a delegation which had to go through Muscovy was informed about the things which they had to pay attention to. This, however, was not possible without the Russia-book of early modern Europe.

In the *IterPersicum*, we can find several stereotypes about Muscovy which can be found in other descriptions as well. At the Russian border, the legation was first faced with Muscovy through the delegation of the tsar, which welcomed them. Zalánkeményi and his attendance met 12 men on the border, who welcomed the legation of Rudolf. The Muscovites who received the delegation were well-groomed men with ornamented horses.

Tectander mentions that nobody may enter Muscovy without the permission of the tsar. This corresponds to several other descriptions. Herberstein also notices that foreigners may not enter the country and go anywhere without permission and escorting. Other sources from the 16th century – like Campani and Possevino – verify this proceed-

ing of the Russians. Permission to enter the country could be granted only by the highest authorities. When a delegation arrived on an entry point of the Russian frontier, its members had to state their business to the local officer who then sent word of their arrival to Moscow⁴. Later in the 17th century, Adam Olearius tells about this procedure as follows: *'when foreign ambassadors reached the frontier they must declare their business and then wait until the ruler of the country is notified by courier of their arrival and sends the governor of the province instructions for receiving and entertaining them'*⁵.

The ambassadors were not allowed to travel in the country on their own. They had to be escorted by the soldiers of the tsar. The soldiers did everything to make the way to Moscow as long as possible. Tectander also writes that the legation had to go in a roundabout way and not too quickly because they were hindered by their Russian companions. In the German diplomat's opinion, the Muscovites wanted to lead them deliberately on the wrong way because they were afraid of the Black Death – the legation of the Habsburgs arrived from Poland where the plague spread very fast. There are a number of other writers – among others Antonio Possevino – who mention that they could move slowly because of the Russian attendants⁶. Of course, it was not the only difficulty which foreigners met in Muscovy. We can read in the book of Tectander that Zalánkeményi and his companions had to go through deep swamplands and dark forests. We can find verification by Jacques Margeret, who wrote that travelling in Muscovy was very difficult because of the geographical features. On the way they were not allowed to speak to the Muscovites. Barberino, for instance, complains that the attendants would not permit his party *'to speak with anyone along the road'* to Moscow⁷.

Tectander also mentions that they could not sleep in the downtown, only in the suburbs, and they were not allowed to go out and take a look at the cities. There are a lot

of writers who verify this treatment. Earlier in the 16th century, Herberstein states that he could not go anywhere in the country without permission. The contemporary Margeret writes about this raw deal, and in 1614, the Dutchman Isaac Massa also mentions a prohibition on going out.

On the 9th of November, the legation arrived to Moscow, where they were accommodated in their house which Tectander describes as a very clean and stately building. From this time on, they were not allowed to go anywhere in the city – the legation was taken in custody. This treatment is not unknown in the sources about Muscovy. Herberstein and Possevino mention that they had to stay in a house until the audience⁸. The members of the delegation were not permitted to contact the inhabitants of Moscow, and they were not allowed to purchase goods from the locals⁹. In the 16th century, Herberstein, Ulfeldt and Chancellor wrote about this procedure. Although they couldn't purchase anything from the Russians, it was ensured that the legation would want for nothing. Tectander writes that Zalánkeményi and his companions received food from the *'table of the tsar'*¹⁰. The German secretary mentions beer, mead, schnapps, beef, bread, butter, eggs and chicken, all of which were paid for by Boris Godunov. The legation got the food supplies every day. Later in the 17th century, Adam Olearius also states that he regularly got food from his pristav. The door of the house of Olearius was also closed but he was shocked when his attendants let him know that the tsar granted let the embassy to go out and speak with the Swedish legation because it was out of the ordinary. But in the 16th and at the beginning of the 17th century, it was fully unprecedented. As Margeret writes: the *'guards do not permit anyone to enter the ambassador's residence except those who are assigned to do so. Nor, for that matter, do they allow anyone to leave who does not have a guard with him to see where he goes, what he will do, and what he will say'*¹¹. In summary, it is now

possible to understand why Zalánkeményi and his legation couldn't contact with anybody until the audience.

Tectander describes the audience as a very crowded event with the attendance of the high-class nobles, the bo-jars, who were wearing hand-picked and expensive clothes¹². These things were verified by Margeret in 1607¹³ and Isaac Massa in 1614 in his letters which he sent to the States-General¹⁴. The embassies were generally treated to mass ceremonies where the tsar played the most important role. The purpose of these kinds of ceremonies was to present the overwhelming power of the tsar¹⁵. This can be found in the 16th century in the descriptions of Herberstein, Barberini and Possevino, and a little later, in the 17th century, by Adam Olearius. We can read in the book of Tectander that the gift which they had to give to the tsar was of crucial importance. By the writers of the 16th century who visited Muscovy we can find a wealth of information about gifts. Possevino gives an extended description about the way of giving presents to the tsar. In the 17th century, it was self-evident that foreign delegations had to give something to the tsar as a present. Tectander wrote that they were asked a few days before the audience if they had brought gifts for the tsar¹⁶. This proceeding had been verified in the accounts of Margeret who gave a lot of information about the audiences in the court of Boris Godunov in 1601¹⁷. Olearius also wrote what kind of gifts they had given to Mihail Romanov¹⁸.

The *IterPersicum* deals not only with the way to Moscow and the audience by the court. If we read the book of the German secretary Tectander, we can find several descriptions about Muscovy and the Russian people. The German secretary describes Muscovy as a 'land of great expanse'. Tectander writes that the country is underpopulated and the travellers who come to Muscovy cannot find too many cities¹⁹. This statement of Tectander tallies with the facts. In the 16th century, Muscovy had the most inhabitants

in Europe²⁰ but the population density was very low. Almost every writer mentions that Muscovy was rich in food²¹. Contarini and Barbaro write about superabundance and low prices. The French soldier, Margeret writes that Muscovy is rich in lamb and fish²² and the prices were very low. Every now and then there is a good yield of wheat, rye and oats but if the yield is not suitable, Russians have a large starvation. Tectander also describes Muscovy as a fertile country but he also refers the great starvation in Muscovy between 1601 and 1603. He heard that there were thousands of men and women who died of hunger. It is said that people had to cut human meat from the dead bodies and eat it, while other people had to consume dogs and cats because of their desperate situation²³. Margeret was a witness of the famine. He gave an extended description of it. In Margeret we can find a cruel account about a peasant who was eaten together with his horse²⁴. A very important contemporary writer, Isaac Massa also relates this famine. Massa writes: *'At about this time, heaven afflicted the whole land of Muscovy with scarcity and famine such as history never recorded. The descriptions of these times give us no idea of what that empire had to suffer from hunger and poverty'*²⁵. Like Tectander, Massa mentions that the situation in Moscow was no better.

The book of the secretary of Zalánkeményi gives us a detailed characterization of the inhabitants and the religion of Muscovy. In this part, there is a change in the perception of Tectander: the relative objectivity of the description changes into a negative attitude with hard Russophobia and statements which are not supported by facts. Tectander writes that Muscovites do not contact gladly with foreigners, and they are absolutely not well-mannered²⁶. As Tectander phrases it, it is so because people may not speak with foreigners, excluding the two *pristavy*²⁷. In his opinion, the Muscovites have a tendency for lying, cheating and other crimes. Zalánkeményi and Tectander were not the

first travellers who declared these statements about the inhabitants of Muscovy. The contemporary Margeret has the same opinion as Tectander; he says that Muscovites are rude, tricky law-breakers who have no conscience²⁸. At the beginning of this part of the account we can read that people in Muscovy regard themselves as the best Christians in the world; however, in Tectander's opinion it does not conform to the truth. Tectander regards the inhabitants of the country more as slaves than peasants who are the followers of *'the tainted Greek Church'*²⁹. The high-class families buy little statues which can be carried home by the Muscovites. People are observant of these sculptures, in Tectander's opinion it is nothing but idolatry. Every house has its own icon, which is also regarded by Tectander as idolatry. If Russian people enter the room, they have to cross themselves first³⁰. The German secretary gives a detailed description of the priests of Muscovy as well. In Tectander's opinion, they are uncouth and uncivilized men who think that learning is a dangerous thing because it does not comply with religion. If somebody can read and write, he can hold a spiritual or a secular office³¹.

Besides the church and religion, Zalánkeményi's account gives information about marriages in Muscovy. In the issue of marriage children have to obey their parents. The bridegroom and the bride are not conscious of the marriage and *'they regard it as a game'*³². The status of women in Muscovy was not enviable. Noblemen closed their wives in a room where nobody was allowed to enter, and wives could rarely go out. *'They are closed like a bird in the cage'*³³.

It is important to say that the above diplomats, merchants and soldiers had uncanny ideas about the people who lived in the country. The above descriptions often rely on gossip, and information obtained from hearsay. Zalánkeményi and Tectander were so isolated from the inhabitants of Muscovy that they could only base their descriptions on the *pristavy* and their behaviour.

As stated above, Zalánkeményi never returned from this trip. Everything we know about this embassy is from his secretary, Georg Tectander. This is the first significant source material of the Muscovy – and Russia-image in Hungary. The book was first published in 1609 in Althenburg-Meissen; then, it apparently sank in oblivion. We can find two Hungarian editions from 1892 and 1990. The Russian edition was published in 1896, but it seemed to be forgotten by historians. The *Iter Persicum* gives us an impression about the Muscovy-perception of a diplomat of Hungarian stock and the perception of his secretary. Both of them were connected to Rudolf, the Holy Roman Emperor. The account of the Hungarian diplomat and his secretary is a quite accurate reflection of Muscovy with valuable descriptions about the handling of the legations and other foreigners, the religion of the Muscovites, the audiences by the court of the tsar and the power of the tsar. Only at the description of the Muscovites can we observe a negative, Russophob image. The '*IterPersicum*' is a book of crucial importance for the research of the Hungarian Muscovy-image and it is a representative part of the Western European perception of Muscovy. However, the description is still rather underrepresented in international research. It is to be hoped that the book of Tectander will be given more publicity.

NOTES

¹ Veress Endre. Zalánkeményi Kakas István, Magyar Történelmi Társulat. – Budapest, 1905. – P. 1.

² Radnóti Klára. Európa-Moszkóvia képe a XV-XVI. Században, Magyar Ruszisztikai Intézet. – Budapest, 2002. – P. 19-20.

³ Georg Tectander, *IterPersicum*.

⁴ Poe Marshall. A People born to slavery, Russia in early modern European ethnography, 1476-1748. Cornell University Press, Ithaca-London, 2000. – P. 43.

⁵ Adam Olearius, in: Poe. Op. cit. – P. 43.

- ⁶ Radnóti. Op. cit. – P. 87.
- ⁷ Poe. Op. cit. – P. 43.
- ⁸ Radnóti. Op. cit. – P. 87., Kljucsevszkij, Szkazanyija. Op. cit. – P. 40, 56, 74.
- ⁹ Poe. Op. cit. – P. 43.
- ¹⁰ Iter Persicum.
- ¹¹ Margeret, Jacques, *The Russain empire and the grand duchy of Muscovy*, Translated and edited by Chester Dunning. – University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, 1983. – P. 42.
- ¹² Iter Persicum.
- ¹³ Margeret. Op. cit. – P. 55.
- ¹⁴ Massa's letter to the State-Genaral received in 1614, in: Orchard, Edward, Isaac Massa, *A Short History of Beginnings and Origins of These Present Wars in Moscow under the Reign of Various Sovereigns down to the Year 1610*, Toronto, 1994. P. 183–184.
- ¹⁵ Poe. Op. cit. – P. 48.
- ¹⁶ Iter Persicum.
- ¹⁷ Margeret . Op. cit. – P. 54–55.
- ¹⁸ Olearius . Op. cit. – P. 18–19
- ¹⁹ Iter Persicum.
- ²⁰ Pounds, Norman J. G. *Európa történeti földrajza, Osiris Kiadó.* – Budapest, 1997. – P. 285.
- ²¹ Herberstein, Mayerberg, Reutenfels, Margeret.
- ²² Margeret. Op. cit. – P. 12–13.
- ²³ Iter Persicum.
- ²⁴ Szvák Gyula. *Moszkóvia és a Nyugat, Magvető Kiadó.* – Budapest, 1988. – P. 114.
- ²⁵ Massa. Op. cit. – P. 51.
- ²⁶ Iter Persicum.
- ²⁷ Iter Persicum.
- ²⁸ Radnóti. Op. cit. – P. 110.
- ²⁹ Iter Persicum.
- ³⁰ Iter Persicum.
- ³¹ Iter Persicum.
- ³² Iter Persicum.
- ³³ Iter Persicum.

П.С. Курриянов

Интерпретация культурных различий в русском путешествии начала XIX в. на примере Венгрии

Описания иных народов – почти обязательный элемент всякого травелога. С античности до наших дней рассказы о странствиях наполнены более или менее подробным изложением особенностей местных жителей. Причем, в разные эпохи в зависимости от господствующего мировоззрения эти культурные особенности получают разные объяснения. Так, если в средние века доминирует конфессиональный взгляд и чужаки являются прежде всего иноверцами, то в просветительской картине мира определяющим оказывается степень цивилизованности, а в индустриальную эпоху (и, отчасти, вплоть до нынешнего дня) рассказ о *других* строится преимущественно с помощью этнических категорий¹.

В этом смысле начало XIX в., по крайней мере в традиции русского заграничного путешествия, отличалось некоторыми особенностями: в это время в сознании российского образованного общества не было какой-либо универсальной модели для описания очевидного культурного разнообразия человечества, иначе говоря – отсутствовала единая *концепция Другого*. Напротив, путешественники, фиксировавшие культурные особенности разных народов, обращались к разным интерпретативным схемам, в результате чего *Другой* предстал перед читателем разными гранями, оборачиваясь то иноверцем, то инородцем, а то и дикарем.

Выбор той или иной оптики непосредственно определял отбор информации путешественником. Глядя на мир сквозь «просветительские», «этнические» или «конфессиональные» очки, он «замечал» разные вещи, обращал внимание на разные предметы, описывал наблюдаемый «народ» по разным параметрам, выделяя разные культурные особенности. Избранная оптика выявляла одни и скрывала другие стороны (характеристики, черты) описываемого объекта. Такое чередование (а иногда и совмещение) разных парадигм в тексте путешествия позволяло создать более объемное представление, но одновременно приводило и к логическим противоречиям.

Например, сам факт культурного разнообразия в просветительской и этнической парадигме оценивался по-разному. В одном случае культурные традиции разных народов воспринимались как самостоятельная ценность, подлежащая сохранению вопреки более или менее агрессивным инокультурным влияниям, тогда как в другом случае разнообразные обычаи, определяющие отличие одного народа от другого, расценивались как суеверия и предрассудки, то есть порождения невежества, которые должны исчезнуть по мере распространения просвещения. И в этом ракурсе этнокультурное разнообразие оказывалось уже не тем, что следовало сохранять, а тем, что подлежало преодолению в процессе цивилизации².

Совмещение этих двух противоположных взглядов в рамках одного текста – весьма распространенное явление в разных «путешествиях» рассматриваемого периода. Вот наиболее характерный пример: «Общее предубеждение называет Краинцев коварными и лживыми, но мне кажется, что сии пороки суть следствие чуждого им ига. Краинцы сохранили добродетели, свойственные Славянам: они трудолюбивы, храбры, терпеливы, сметливы и переимчивы. В некоторых меха-

нических искусствах они далеко превосходят учителей своих Немцев, от коих, однако ж приобрели какую-то неловкость, неповоротливость <...>. Как Немцы, они охотники до картофеля, и как Русские, до кислой капусты, которую всегда нас усердно подчивали. Сколь ни бедна страна сия, а однако же жители ея просвещеннее всех прочих Иллирийцев. В конце XVII столетия только правитель области и Епископ Лайбахский имели экипаж, но с того времени, как для торговли Триеста нашли нужным проложить в Вену большую дорогу, Краинцы познакомились с роскошью, просветились и от обращения с иностранцами сделались несколько приветливее»³. Здесь автор рассуждает о немецком влиянии на славянское население Краины. Однако из этого рассуждения довольно трудно вычленить однозначную оценку описываемого воздействия. С одной стороны, «чуждое иго», по его мнению, стало причиной пороков – коварства и лживости, тогда как славянские добродетели, напротив, сохранились *вопреки* иноэтничному влиянию. В то же время, с немцами связывается освоение краинцами «механических искусств», а «обращение с иностранцами» представляется залогом развития просвещения.

Это противоречивое рассуждение – характерный эпизод из сочинения Владимира Богдановича Броневского (1784/1786–1835) – российского морского офицера и известного в свое время литератора. В 1805–1810 гг. он в качестве мичмана фрегата «Венус» принимал участие во Второй Архипелагской экспедиции под руководством вице-адмирала Д.Н. Сенявина, в ходе которой не раз отличился и был награжден орденом Владимира IV степени с бантом⁴. Однако служба занимала не все время молодого мичмана – значительное время он уделял своему дневнику, который затем лег в основу его «Записок морского офицера...»⁵, высоко оцененных современниками⁶ и принесших автору известность на лите-

ратурном поприще, а также – «Путешествия от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г.», в котором было описано возвращение экипажей российских кораблей на родину сухим путем через Крайну, Штирию, Венгрию и Галицию.

«Путешествие...» В.Б. Броневского вышло в свет значительно позже описываемых в нем событий и в нем больше, чем, например, в «Записках...», заметны следы поздней правки текста, выражающиеся как в отдельных фразах (предваряющих дальнейшее развитие событий), так и в довольно больших фрагментах, по-видимому, добавленных в основной текст «Путешествия» перед публикацией (таковы, скажем, историко-статистические очерки о Венгрии и Галиции, почерпнутые в значительной степени из других источников, не связанные стилистически с предыдущим и последующим повествованиями и явно выбивающиеся из общего строя текста). По классификации Т. Роболи⁷, «Путешествие» В.Б. Броневского можно отнести к «смешанному» типу, сочетающему в себе описание переживаний героя с бытовыми сюжетами и историко-этнографическими зарисовками. Здесь можно найти рассказ о ночлеге в крестьянском доме и об изготовлении знаменитого токайского вина, выразительные пассажи о красотах природы и о боеспособности австрийской армии, восхищение красотой «любезной хозяйки» и сохранностью народных обычаев, замечания о широте городских улиц и особенностях государственного управления, оценку стратегического положения крепостей и просвещенности местных жителей, подробное описание свадебных обычаев и традиционной одежды. Повествование разворачивается по мере передвижения российской колонны – от одного населенного пункта к другому. Упоминание о переезде через границу государств или областей, как правило, сопровождается более или менее пространной характеристикой только что оставленной области, включаю-

шей историко-статистические и этнографические сведения.

Этим очеркам автор, очевидно, придает весьма большое значение. Так, предваряя повествование, он признается, что рассчитывает на успех своего сочинения «наипаче потому, что до сего времени мы не имеем на русском языке почти никаких описаний о Венгрии, столь близкой и столь мало ещё нам известной стране» (Предисловие)⁸. Эта фраза примечательна тем, что в ней отчетливо проявляется понимание путешествия как прежде всего просветительской практики – связанной с познанием окружающего мира, с открытием неизведанного, получением нового знания. Одной из задач «просвещенного путешественника» было составление всеобщей карты цивилизации, устанавливавшей уровень развития человечества в разных уголках Земного шара. Просветительский проект предусматривал создание некой универсальной шкалы, на которой каждая человеческая общность получила бы свое место между полюсами «дикости» и «просвещенности». В связи с этим описание той или иной страны подразумевало определение уровня ее цивилизованности, производившееся по ряду критериев. Среди них: количество каменных домов в городах, ширина и чистота улиц, состояние дорог, развитие торговли, состоятельность, просвещенность и нравственность жителей, развитие изящных искусств и наук и т. д.

В «Путешествии» В.Б. Броневского информация по этим «пунктам» сообщается довольно регулярно в связи с каждым новым городом или областью, и Венгрия по всем этим параметрам получает весьма невысокую оценку. На страницах «Путешествия», посвященных Венгрии, возникает узнаваемый образ *цивилизованного европейца в варварской стране*⁹. Он страдает от бытовых неудобств, варварского вкуса, несъедобной пищи и грубости нравов. По его наблюдению, «венгры не веда-

ют никаких удобностей жизни и между ними неприметно никакого следа просвещения. Несмотря на множество болот в нижней и мутных рек в верхней Венгрии, нет ни плотин, ни мостов; дороги только для быков; и какие дороги! Осенью нельзя и думать ездить здесь в экипаже. Прибавь к сим неудобствам печальную природу, нищету народа, гордость дворянства, и ты будешь иметь точное изображение Венгрии...» (135). Наиболее очевидным признаком отсталости в глазах просвещенного наблюдателя являются необработанные поля, свидетельствующие о ленивости местных жителей. В.Б. Броневский не жалеет красок для описания «дикой» венгерской природы, сетуя на бесконечные болота и однообразные пейзажи с заброшенными полями и непроезжими дорогами. Все это свидетельствует о том, что «земледелие вообще находится в Венгрии в младенчестве, равно как просвещение и искусства» (132. См. также: 65, 69–70, 97, 105, 108, 112, 148).

В этих и многих других фрагментах нетрудно заметить повторяющуюся риторическую фигуру уподобления: описание местной природы почти всегда сопровождается сходными суждениями о местных жителях, и это, очевидно, неслучайно, ибо в просветительской парадигме свойства «народа» отражают особенности заим�ваемой им «земли»; «просвещения и искусства», равно как и «нравы» в конечном счете определяются именно природой – климатом, почвой и т.п. И поэтому в просветительском ракурсе венгры (или «Венгерцы») воспринимаются и описываются как собственно *местные жители*, чьи характер, традиции и занятия диктуются особенностями самого *места*.

Между тем, взгляд просвещенного наблюдателя – не единственный, доступный автору. В определенные моменты он дополняется или просто сменяется профессиональным. В этом случае он видит в местных жителях уже не ленивых варваров, а католиков, кальвинистов,

иудеев («жидов») или православных и объясняет их нравы, обычаи, просвещенность и трудолюбие принадлежностью к тому или иному вероисповеданию. Характерно, что эти конфессионимы пишутся автором с прописной буквы, так же как и этнонимы, и политонимы, что даже формально делает их терминами одного ряда.

Так, сбившись с дороги и проведя ночь в болоте (при подъезде к Кашау (Кошице) у деревни Сцикло), путешественник, тронутый гостеприимством местных жителей, уверенно объяснил его тем, что они протестанты: «К счастью, в сей деревне, населенной Кальвинистами, досталась мне чистая, покойная квартира и приветливый хозяин, который, подражая в гостеприимстве похвальному обычаю предков своих, накормил, напоил и успокоил меня как нельзя лучше...» (148). Подъезжая к Карпатам, Броневский замечает: «Наконец здесь кончится печальная мокрая равнина и отсюда начинаются холмистые возвышенности, служащие основанием Карпатским горам. Деревня населена Кальвинистами и Католиками: хижины первых подобны Швейцарским; просвещение и трудолюбие весьма их отличает от прочих жителей Венгрии» (136–137).

Между тем, в предгорьях Карпат оптика нашего наблюдателя вновь меняется: новые *этнические* «очки» позволяют ему разглядеть в местных жителях своих «сродников» русинов («Руснаков»): «До самой Черновицы... все места носили Русские названия... Я забыл, что приближаясь к Карпатским горам, приближаюсь к родине Славян. <...> мне весьма приятно было заметить, что они сохранили все древние качества наших прародителей, несмотря на то, что окружены разноплеменными народами» (160).

Последняя фраза обнажает сугубо этническое представление о местных жителях, в соответствии с которым под народом понимаются не просто жители той или иной страны или области, не приверженцы того

или иного исповедания, а этническая общность, обладающая набором определенных отличительных свойств, передающихся от предков потомкам. При этом (как следует и из приведенной цитаты) иноэтническое окружение препятствует сохранению обычаев предков¹⁰, контакты с иными народами ведут к исчезновению наследственных качеств – древних «обыкновений» и «размыванию культурного генофонда» народа, что в рамках данной концепции, рассматривающей эти качества как несомненную ценность, не может не получить негативную окраску. Генетическая метафора в данном случае представляется вполне уместной, поскольку наиболее адекватно передает сущность описываемой «концепции этноса».

Такая интерпретация актуализирует дискурс родства, в рамках которого становится возможным реконструировать родственные связи между разными народами. К самым близким «родственникам» русских путешественник относит другие славянские народы. По словам В.Б. Броневского, все славяне – «братья по крови», их родство проявляется в самых разных сферах – в обычаях, музыке, языке (28, 53, 290). Именно общность происхождения объясняет их культурную и языковую близость с русскими, и именно родственная связь определяет их взаимные симпатии. Более того, по словам самого В.Б. Броневского, интерес к славянским народам для русского человека естественен именно в силу общеславянского единства: «я постараюсь собрать для тебя, любезный друг, разные полезные... сведения и в общей картине изображу нравы и обычаи жителей, *по сродству с нами заслуживающих особенное внимание*», замечает путешественник, предвзяв свой рассказ (24).

Путешествие по Венгрии дает В.Б. Броневскому немало поводов для актуализации таких представлений. По его словам, «различные поколения Славян, как то Кроаты, Иллирийцы, Хорваты, Руские, Поляки, Бо-

гемцы составляют большую часть народонаселения Венгрии» (336). И если при встрече с православными славянами их *единокровие* с россиянами отмечается и переживается одновременно и совместно с *единоверием* (73–74), то при описании славян-иноверцев (католиков или униатов), этнический взгляд проявляется у путешественника наиболее явно. Это хорошо видно как раз во фрагментах, посвященных восточным прикарпатским районам Венгрии, населенным русинами. Так, описывая свою поездку по окрестностям Кашау, он замечает: «Пустился по дороге во весь дух, по-Руски. Действительно по-Руски, ибо не знаю, какую волшебною силою, только в самом деле я очутился в России. Извозчик мой, Гаврила, назвал себя Руснаком, чисто говорит по-Руски и исповедует Греческую веру» (159)¹¹. Русский извозчик привозит офицера в русскую деревню, где он получает исключительно теплый прием: «Вся деревня взбегалась (sic) <...> В минуту уставили большой стол всем, чем кто был богат. Дочь священника спешила изготовить кофе, и крестьяне, женщины и дети, один за другим входили в горницу, безмолвно кланялись и почтительно выходили. Радушное гостеприимство потомков славных наших прародителей меня очаровало» (163).

Это «открытие» (или конструирование) этничности вызывает у путешественника большой энтузиазм, его неизменно радуют, очаровывают и восхищают всякие свидетельства общности и сходства русских с другими славянами. На этом фоне даже религиозные отличия, аккуратно подмечаемые автором, кажутся ему незначительными: «В церкви те же украшения, только алтарь не отделяется иконостасом, а походит на Католический жертвенник. Служба отправляется на Славянском языке, и я не заметил никакого отличия от нашего священнодействия, кроме того, что на эктении упоминают Папу. Священники, которых здесь называют киендзами, ходят без бороды, с обстриженными волоса-

ми, и в таком же платье, как Католические ксёны. Церковное же облачение Униатских попов точно такое, как у наших»¹².

Итак, в венгерской части «Путешествия...» присутствуют как минимум три разных ракурса, определяющих описание автором окружающей действительности: просветительский, этнический и конфессиональный. Как правило, они сменяют друг друга, поочередно занимая доминирующие позиции в разных частях текста. Кроме этого, они могут совмещаться в разных комбинациях (как при описании единокровных единоверцев), а могут использоваться параллельно в одном и том же фрагменте. Примером последнего является описание В.Б. Броневским города Гросс-Каниш (Надьканижа), где просветительский взгляд, фиксирующий неприглядный облик города – маркер непрофессионализма местных жителей – последовательно сменяется этническим, позволяющим разглядеть в горожанах венгров, славян, цыган и евреев, и конфессиональным, замечающим католиков, иудеев и православных: «Я не смел бы назвать безобразной кучи домов городом, если бы почтенный наш путеводитель не побожился, что он в самом деле так называется, и был некогда очень обширен. Представьте себе между двух пологостей яму, в коей видна одна прямая улица, как нарочно расположенная именно таким образом, чтобы в нее стекала вся грязь и нечистота. Прочие улицы в разных направлениях идут дугою, и как попало; в сих-то улицах низкие и зараженные мифитическим запахом домишки построены кому из хозяев как вздумалось <...> Большая часть жителей из Жидов и Цыган, есть и Венгры, ибо я встретил несколько женщин в грязных гусарских полушубках с странным головным убором, есть и Славяне, которых называют здесь Хорватами <...> Несмотря на бедность жителей, везде приметно приготовление к празднику Пасхи: Жиды торжествуют пасхальную субботу, Католи-

ки в процессии идут из церкви с плащаницей и поют на Кроатском языке Христос воскрес, а в Греческого исповедания церкви, весьма бедной, с большим благочинием отправляется служба на чистом Славянском языке, и поют Лазарево воскресение» (61–62).

В заключение подчеркнем два момента. Во-первых, рассмотренный выше текст В.Б. Броневского довольно типичен для своего времени: подобную смену ракурсов в описании иных народов можно наблюдать и у многих других авторов. А во-вторых, речь идет не просто о разной оптике в восприятии Другого или о разных языках в его описании, но – о разных концепциях и объяснительных схемах для интерпретации культурных различий. Этот концептуальный плюрализм, присущий русскому путешественнику начала XIX столетия, очевидно, делает исследование образов Других более сложным, но одновременно – более занимательным и плодотворным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вдовина Л.Н. Что есть «мы»? (Русское национальное самосознание в контексте истории от Средневековья к Новому времени) // Вестник МГУ. Сер. 8. «История». – 1993. – №5. – С. 6–13.

² Куприянов П.С. Приобретение или сохранение: проблема культурных заимствований в славянской среде глазами русского путешественника начала XIX в. // Проблемы мащтацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Вып. 4. – Минск, 2008. – С. 324–330.

³ Броневский В.Б. Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г. – Ч. I. – М., 1828. – С. 29–30. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц арабскими цифрами в круглых скобках.

⁴ О В.Б. Броневском см.: Евсеева М.К. Броневский В.Б. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т. 1. – М., 1989. – С. 329–330.

⁵ Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н. Сенявина от 1805 по 1810 гг. – Ч. I–IV. – СПб., 1818–1819.

⁶ См., например: Сын Отечества. – 1819. – № 21. – С. 49; 1820. – № 48. – С. 51.

⁷ *Роботи Т.* Литература «Путешествий» // Русская проза. – Л., 1926. – С. 48.

⁸ По словам М.К. Евсеевой, первая часть «Путешествия» в 1940-е гг. была издана на венгерском языке в Будапеште под названием «Путешествие по Венгрии». См.: *Евсеева М.К.* Указ. соч. – С. 330.

⁹ Описание основных топонимов, связанных с данной ситуацией. См.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. Карта Цивилизации в эпоху Просвещения. – М., 2004.

¹⁰ «Черногорцы, удержав вольность свою и имея мало сообщения с иноземцами, сохранили в полной чистоте коренной Славянский язык. Выговор их мягче и приятнее, нежели Сербов, Кроатов и Далматов, ибо первые мешают Славянские слова с Турецкими, вторые с Немецкими, а последние с Итальянскими». См.: *Броневский В.Б.* Записки... Ч. I. – СПб., 1818. – С. 249–250. «Порчу» языка В.Б. Броневский отмечает и у русинов: «Язык, употребляемый крестьянами, хотя местами и много испорчен, но мы понимали его так, как бы были в России» (192).

¹¹ Упоминаемая «греческая вера» здесь по всей видимости, означает не православное вероисповедание, а униатское: на фоне этнокультурной близости путешественник склонен игнорировать конфессиональные различия (см. ниже).

¹² *Броневский В.Б.* Путешествие... Ч. II. – М., 1828. – С. 7.

G. Kecskeméti

**An Introduction into the Hungarian Russophobia
in the 19th Century – Stereotypes, the Image
of Russia, and the Russian-Hungarian Connections**

The basis of this paper is the lecture I held on the symposium called ОБРАЗЫ РОССИИ С XVII ПО XXI ВВ. – Международный симпозиум в Центре Русистики ЭЛТЕ on 26 October 2012. In this rewritten and reedited version I am intended to discuss the definition of russophobia and the stereotypes, and fears associated with Russian people in Hungary.

I. INTRODUCTION

In the Hungarian history literature the Hungarian people's relationship with other nations is a rarely discussed topic. This applies not only to the Hungarian but to the regional literature. Though in Western Europe a great deal of effort was put into reducing the tensions between opposing nations and peoples (common history books for French and German students, subsidized research of xenophobia and the enemy image) after the political change following the World War II in the Central-East European region, the issues of enemy images, tensions between nations, and the above mentioned topics were not researched. Luckily, since the transition there has been some initiatives.

The relationship between peoples are not good in most of the cases. The early stereotypes¹ evolved into

enemy images during the centuries as a result of direct and indirect impacts. The Russians were no exception of this, moreover, the remoteness and long isolation of the country resulted in worse prejudice and more hostile remarks than any other Eastern- or Middle-European nation. We should distinguish Anti-Russianism and Anti-Russiaism, because these expressions have similar, but not parallel meaning.

Anti-Russianism can be called russophobia², a phrase that refers to the negative stereotypes or prejudices against Russian people that describe real or imaginary qualities of theirs, but we should also consider that the extremist russophobes criticized and criticize Russians to point out their own cultural superiority³. The Russian sentiment, national characteristics are judged on a racial basis, comparing them to the western 'civilized' world. This is a fundamentally wrong approach because of geographic, historical matters and the different structure of their state. The negative stereotypes of Russian people are generalized, people are judged not on the basis of their real qualities but because they belong to a group. Thus an individual can be Anti-Russian (or in a worse case russophobe) without having met a Russian person in his or her life.

Anti-Russiaism is in connection with the Russian-related stereotypes and russophobia only if the nature and acts of Russian politics are associated with the Russian people and not the all-time political-economic elite. The other type of Anti-Russiaism can be defined as antipathy or phobia of the Russian authorities, so the stereotypes and cliches of the Russian politics, which are still well-known, evolved over centuries. This type of fear or stereotype is not against Russian individuals or the Russian people but only and exclusively against the political ambitions and endeavors of the Russian authorities.

Hungary and the Hungarian people cannot be separated from other European nations, although the Hungarian image of Russia and Russian people shows

certain similarities with European standards, it has its own distinct marks. For this reason I intend to reveal the history, the causes and characteristics of European russophobia in a nutshell, in order to understand the Hungarian aspects better.

II. THE DEVELOPMENT OF THE NEGATIVE RUSSIANS AND RUSSIAN PRECONCEPTION IN EUROPE

Before the 16th century there was no real connection between Russia and Europe. But than the connections started flourishing. Thanks to the first Russian Tsar, Ivan the Fourth (Terrible), this first encounter was rather fearful. This tsar attacked Livonian cities as a reasonable act. As a reaction these rich merchant cities began a negative propaganda against the Russians. (Of course this propaganda was much different from the propaganda of the 20th century.) They asked for the protection of the Polish-Lithuanian Commonwealth and they wanted to convince them that the Russians were cruel. So these cities started printing flyers and spread them throughout Europe⁴.

Furthermore the readers of Europe could read excessive travel reports of travellers and wanderers who visited Muscovy. Many of these travellers wrote true stories but we shouldn't forget that they perceived the events with a Western attitude and they presented them from this point of view.⁵ This was the reason, the travelers point of view was, that the Russians were savages (barbars), drank more than any other nation in the world, they were cruel, lived like animals, and on top of that the women were really ugly in Muscovy.

A good example of the development of this stereotype can be found in Styria. The oil painting from the 18th century called the "Table of peoples" (Völkertafel), and

showed the characteristics and qualities of nations of Europe.

These were presented in a table, where ten nations are shown, for example the Hungarians and the Russians, they are deliberately placed before the Turks and Greek. I present you some of these qualities from the table:

×	Unger (Hungarian)	Muskowitsch (Russian)
behaviour	disloyal	evil
nature and character	the most cruel	really Hungarian
mental capability	low	nothing at all
qualities	bloodthirsty	brutal
negative qualities	trator	even more trator
aptitude	revolt	fight
war virtue	revolting	slow
free time activity	doing nothing	sleeping
respective animals	wolf	donkey
end of life	under the sabre	in the snow

Of course we may assume the painter had never seen any Russian in his life, so he took the existing stereotypes. Although it is an example that was taken randomly, I hope it demonstrates the results of the above-mentioned process.

III. HUNGARY AND THE RUSSIANS

Till the 19th century the affilations / contacts between the Hungarians and Russians were very low. Therefore we can't speak about primal enemy complex, as Poles or the Baltic states have against the Russians for example.

Though the Hungarian-Russian relationship was widely affected by the fact that the press was available for a small, but ever widening literate group of people: the noble and the middle class people, who lived in cities. For them,

among world and foreign news, Russia appeared in the papers as well.

On the basis of my research I could distinguish four extra components of the Hungarian anti-Russian image, thereafter I will deal with them.

III./1. Defeat of the Polish independence wars 1830/1831 and 1863

The Hungarian-Russian connections were strongly influenced by the Polish-Russian connections, because Poland was an neighbour (except the time when Poland was portioned among the Kingdom of Prussia, the Russian Empire, and the Habsburg Monarchy), and the Hungarian noblemen in the Northern part of Hungary had family connections with their Polish counterparts, and in the Hungarian revolution of 1848/1849 many Polish volunteers participated. (One of Hungary's best generals was Józef Bem, who successfully protected Transylvania from the Russian army, was also Polish)⁶.

The Hungarian-Polish friendship led to the strengthening of the opposition of the Hungarian noblemen against the Habsburg emperor. At the Parliament of 1831 the delegates of the Northern Hungarian counties made a proposal to the king in favour of the Polish freedom⁷.

Ferenc Kölcsey, the author of the Hungarian national anthem, who was a delegate at the Parliament 1832–1836, had also spoken for the Polish freedom: „If this nation is split, Chatarina stabs Europe in the heart, a wound if not treated creates general death. We can not hide the danger that threatens us, if we let the constitution of a neighboring country squelched; while the northern power is surrounding us. – Who doesn't know the aim of the Russian monarchs, that they have been aspiring for a long time?”⁸.

Throughout the century the Polish question remained an issue of political discussion and it was mentioned in several texts later.

This depicts that the 'northern country' suddenly became well-known and the remoteness changed to vicinity that was threatening for some, so the unknown, exotic country at once turned into a dangerous northern colossus. Hence a traditional good relationship existed between the Hungarian and the Polish, the 1863 Polish revolt strengthened the antipathy against Russians. The suppression of the two Polish uprisings generated strong Anti-Russiaism irrespective of the fact that it happened outside the borders. The 1849 tsarist intervention understandingly worsened the hostility of Hungarians and Anti-Russiaism appeared.

III./2. The Russian intervention against the Hungarian revolution and independence war of 1849

The only way the Habsburgs could suppress the 1849 Hungarian revolution was with the help of the tsar. This event was a turning-point in the Hungarian-Russian relationship since this was the first time the Russians appeared in Hungary in large numbers. Previously the Hungarian-Russian relationship was neutral and marginal apart from the Polish-friendly Hungarian politician's negative sentiments. This hostile, negative sentiment was strengthened by the Russian offensive campaign against the accomplishments of the country and the revolution.

Lajos Thallóczy in his 1884 work⁹ recalls this: "The 1849 fights represent the border, where the Hungarian will to exist stands against the Russian efforts. Russia has always kept in mind to help those foreign interest groups that are disturbed by the existence of Hungary"¹⁰.

The well-known publicist of the 1848/1849 revolution and war of independence József Barsi approached the Russian intervention from a different aspect and concluded a more realistic ascertainment. He realized that the ethnic movements posed risk in case of a Russian intervention or even prior to it. "We must always be prepared because the Russians are purposive in reaching their goal and we must not lose any chance to win those ethnic groups that live amongst us and that are being caught in the Russian spider's web of lingual and religional similarities"¹¹.

László Teleki published his work a year later (*„Die russische Intervention, nebst diplomatischen Actenstücken, von Graf Ladislaus Teleki, ungarischem Gesandten bei der französischen Republik. Originalausgabe für Deutschland.“* Hamburg, Hoffmann und Campe. 1849)¹². His writings of the tsarist authorities are colored with fear and Anti-Russiaism: "I only want to prove one thing: The holy mission of Russia is nothing else, but a crusade against civilization"¹³. He was suspicious about a conspiracy on the Russian side, he thought a new alliance was being formed: "The first one¹⁴ threatened only the freedom of people, but this one¹⁵, which is fully organized in a Cossack manner, is intended to push us back into the darkness of the barbarian centuries"¹⁶.

In spite of the quotations mentioned above it is surprising, that Russian officers were mostly friendly and gallant with the Hungarian soldiers. Several cases are known, where Russian soldiers saved there Hungarian counterparts from the revenge of the Austrians¹⁷. It was not accidentally, that the Hungarian army capitulated in front of the Russians, not the Austrians. This intervening army was huge (120.000 soldiers), but the Russians lost more soldiers due to illnesses than the fight itself. The Russian invasion was a turning point in the historical context of the

two nations, and in spite of the previous examples the negative reputation of the Russians gained strength.

III./3. Pan-Slavic movement among the Slavs in the Hungarian Kingdom

According to the census of 1910 the quarter of the population of the Hungarian Kingdom (Hungary proper with Croatia-Slavonia) were Slavs. Before that during the 19th century this ratio was even higher¹⁸. Though the Slovaks, Serbs, Ruthens and Croatian (they had previously had internal autonomy) had lived in Hungary for centuries, they started becoming nations. Most of them were loyal to the Hungarian state before the First World War, but more and more people of these minorities gave voice to their aim of becoming a separate or autonomous nation, getting rid of the German, Austrian or Hungarian supremacy.

For this challenge, the Hungarian state replied with a political repression (for example: they gave less subsidy for minority education) and the state found there enemies the Pan-Slavists and the supporter of this movement, the Tsarist Russia. It was an open secret that the Russian state subsidized this movement for political reasons. But this danger was overemphasized. These Slavic minority movements cannot be considered autocratic and they were not intended to cooperate with the Russian politics, they only accepted the Russian help to reach their goals and they did it gladly¹⁹.

We should keep in mind the fact that there was only one independent Slavic state in Europe in that era: the tsarist Russia irrespectively of its criticized qualities like autocracy or anti-liberalism²⁰. The Slavic intellectuals had only had assumptions and hypotheses of the Tsarist Empire so they idealized it. In the second half of the century, it was typical of the Hungarian nationalism that they considered every ethnic movement as a tsarist endeavor to undermine Hungarian efforts and they considered every ethnic

cultural, linguistic or literary movement as Pan-Slavism²¹. The supposed secret Russian agitating activities are mentioned amongst condemnation: "The exceptional skills of Russia can be seen in how they placed their secret traps; the Serbs, Croatian raised their rebellious swords at once, well organized. The mind behind this deed must be the Muscovites. (...) They were used considerably in the interest of Pan-Slavism or Pan-Russianism (that is even better for them)"²².

Many interpreted the 1849 intervention as the manifestation of Pan-Slavic political efforts but this opinion can be easily challenged as the aim of the intervention was not to free the Slavic peoples from the Austrian rule but to save the Austrian empire²³.

III./4. Eastern Question - the peak of the Hungarian Russophobia

In the 18th century it was obvious that the Ottoman Empire was going to fall apart, and the liberation from the Turkish yoke was just a question of time. The only thing, that prevented the Ottoman Empire from the collapsing earlier, was that the ethnics of the Balkans started becoming nations too late and the common interest of the European powers was the maintenance of the status quo on the Balkan Peninsula. This means they wanted to keep the Turkish reign preventing the Tsarist Russia from growing even larger and getting through the Black Sea to the Mediterranean Sea²⁴.

Following the Ottoman-Austrian wars Austria had a geopolitical orientation to the Balkans. After the Austro-Hungarian Compromise 1867 for a while it was brushed aside, but in the near future the leaders of the Dual Monarchy had already counted with the conflicts of the Balkans²⁵. The Monarchy's most famous minister of foreign

affairs, count Gyula Andrassy had led a more and more intense politics to the Balkans, because his aim was that the Monarchy could take the place of the Ottoman Empire in the Balkans, because this area was the only free space in Europe²⁶. Since the Austrian Empire had no colonies, he found many supporters in the royal court. Although they managed occupy Bosnia and Herzegovina they couldn't go further because it could have jeopardize the peace in the Balkans because they could have opposed the Russian Empire, which defined itself as a savior of the Balkan Slavs²⁷. The last Balkan-war of the century was in 1877, which only lasted for a year, brought the victory of the Russian Empire. Because the Russian troops got to the suburbs of Constantinople, they could sign a peace with very good conditions. The European empires couldn't accept the peace treaty of San Stefano, so they forced the Russians into a new negotiation in Berlin. The last agreement was made on the 13th of July 1878 which redraw the complicated boarders of the Balkans. The Western part of the Balkans became a sphere of interest of the Monarchy and the Eastern part went to Russia.

After the congress of Berlin the press started libeling on both sides. Before this war the Russophobe feelings became more emphasized in Hungary. Most of the society and the political forces were against the Russians and pro-Turkish. One of the reasons was that the Russian intervention of 1849 was nearly in time, the other was the hype of the Turkish-Hungarian brotherhood. Processions were organized against the Russian aggression, they blessed the Turkish generals and they were in black for the Russian victories. During the war many Turkish delegates came to Hungary and the society stressed their support for

the Turkish. The moral was affected by the press that had interests in creating anti-Russian feelings and in some cases creating hysteria.

Because of the hysteria the Hungarian people were more and more afraid, that the Russian armies would march to Turkey along the Hungarian borders. They thought this could have led to the uprising of the Hungarian Slaves and the treachery of the Romanian. The Rumanian constantly attacked by the press, because it let the Russian troops to march through its lands, calling them traitors. The next quote is from the biggest Hungarian newspaper that time:

“The Danube has become a Russian river. Its castles have been invaded by the Russians ... They want the Danube. The Hungarian river is getting Muscovite waves, bearing in yoke the Tsar’s ships. From the apexes of the Transylvanian mountains Russia is watching Hungary. The Black Sea has become a Russian lake, and Bulgaria became a Russian province to the eternal famed harbour of the Middle Sea, where the Slavic legions of the Tsar Alexander are following the footsteps of Xerxes’ armies”²⁸.

If we want to summarize the origins of russophobia, it becomes clear that the quotations could be closely connected to a previously mentioned topic in this study: the Russian aspect of the Pan-Slavic threat and russophobia. However I discussed the issue separately as I think, this type of russophobia and the fear of Pan-Slavic movements were generated by other factors that time, in spite of the fact that they show continuity. This fear was even used to find political reasons; for instance the Bosnian invasion was ideologically supported by emphasizing that it was an attempt to lower or terminate the Pan-Slavic threat, yet we know today it has only weakened the empire.

IV. SUMMARY

The above-mentioned events and the quoted sources hopefully confirm the assertion that first Anti-Russiaism and later Anti-Russianism evolved in Hungarian politics and society during the century and the press played a key role in that. In spite of the fact that the 1849 tsarist intervention against Hungary determined the relationship between the two nations, we should keep in mind that the Anti-Russianist interpretation of the intervention is the product of the past-Compromise era. The Austro-Hungarian Monarchy didn't become a real nation-state in its classical sense, since several minorities lived in it²⁹. The tension in the internal affairs that was generated by the ethnic groups influenced the external affairs and the Austro-Hungarian Monarchy gradually lost its power to influence events, moreover there were several occasions when strong tension appeared between the Monarchy and the Tsarist Empire. At the end of the century the external affairs of the Monarchy preferred collaborating with the Germans and Russia became allies with the Entente. The dictatorships and wars of the twentieth century strengthened these prejudices and stereotypes. The question is still to be answered: Will we be able to transcend these cliches and stereotypes with the help of science?

NOTES

¹ In my opinion if we talk about prejudice or negative image, we should call it stereotype. The phrase stereotype was first used by the journalist Walter Lippman in 1922, he defined stereotypes as mental images. But of course stereotype means more than how people look like in a specific group, it is rather used to define quality of a group. For example the members of a group create a

specific impression on other people. In: Eliot R. Smith – Diane M. Mackie. *Szociálpszichológia*. – Budapest, 2004. – P. 268.

² Russophobia exists in psychology. This phobia can be considered as an illness, only in the minority of the cases. So, here if I talk about Russophobia, I will consider it, as sociopsychological phenomenon.

³ Szvák Gyula. *Moszkóvia és a Nyugat*. – Budapest, 1988. – P. 133.

⁴ Radnóti Klára. *Európa Moszkóvia képe a XV-XVI. században*. – Budapest, 2002. – P. 25.

⁵ Szvák Gyula. *Op. cit.* – P. 110.

⁶ Gergely András (szerk.). *Magyarország története a 19. században*. – Budapest, 2005. – P. 194.

⁷ Kovács Endre. *A lengyel kérdés a reformkori Magyarországon*. – Budapest, 1959. – P. 53.

⁸ Márki Sándor. *Az oroszok hazánk történetében*. – Nagyvárad, 1877. – P. 52.

⁹ Thallóczy Lajos. *Oroszország és hazánk*. – Budapest, 1884.

¹⁰ *Ibid.* P. 2.

¹¹ Kossuth Lajos hírlapírói munkássága – digitalizált formában (CD-ROM). – Budapest, 2003. Kossuth hírlapja 1848. December 3.

¹² Teleki's work was translated to Hungarian later, in 1861 by Albert Farkas. The title of the Hungarian version was: *Az orosz intervenció Magyarországon: diplomáciai okmányokkal bővítve*.

¹³ Teleki László: *Az orosz intervenció Magyarországon: diplomáciai okmányokkal bővítve*. – Pest, 1861. – P. 29.

¹⁴ He referred to the Holy Alliance formed in 1815, which was later defeated by the so called Spring of Nations in 1848.

¹⁵ The new alliance envisioned by Teleki.

¹⁶ *Az orosz intervenció*. *Op. cit.* – P. 30.

¹⁷ Vadász Sándor (szerk.): *Az 1849-es cári intervenció Magyarországon*. – Budapest, 2001. – P. 31.

¹⁸ *Magyarország története a 19. században*. *Op. cit.* – P. 413.

¹⁹ Szekfű Gyula: *A magyarság és a szlávok*. – Budapest, 1942. – P. 124.

²⁰ Arató Endre: A magyarországi szlávok és az oroszok kapcsolatához a reformkorban. In: Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. – Budapest, 1961. – P. 249.

²¹ Fenyő Iván: Az orosz irodalom fogadtatása a reformkori magyar hírlapirodalomban. In: Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. – Budapest, 1961. – P. 212.

²² Az oroszok hazánk történetében. Op. cit. – P. 62.

²³ A magyarországi szlávok és az oroszok kapcsolatához a reformkorban. Op. cit. – P. 258.

²⁴ The Treaty of Paris of 1856, which protected the Ottoman Empire, but kept its waters under control, is a good example of this type of politics.

²⁵ Magyarország története a 19. században. Op. cit. – P. 390.

²⁶ Ibid.

²⁷ Palotás Emil: A Balkán kérdés az osztrák-magyar és az orosz diplomáciában a XIX. század végén. – Budapest, 1972. – P. 9.

²⁸ Pesti Napló 1878. 02. 05. 1.

²⁹ Ibid. P. 413.

С. Шухайда

Образ России в Венгрии перед революцией 1848–1849 гг.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Предварительно нужно отметить, что в период 1830–1848 гг. отношения между Венгрией и Российской империей не были интенсивными. Многочисленные примеры показывают, что эта эпоха не была так важна для этих стран. У Венгрии не было никаких дипломатических отношений с Россией. Венгерских путешественников царская Россия интересовала меньше, чем другие страны в Европе. Кроме этого в венгерских источниках редко касаются Российской империи. Только в современной венгерской литературе по специальности иногда касаются этого вопроса. До сих пор только несколько научных статей появилось на эту тему.

В этот период венгерские источники отрицательно и субъективно писали о России, потому что намного меньше знали ее, чем другие части Европы. Царской России обычно касались в публикациях и политических статьях. Реже писали о самих русских, потому что мало кто мог вступить с ними в контакт. В публицистике образ России часто зависел от политического подхода венгерских писателей и авторов. Либеральные, националистические политики, консервативные и умеренные относились к России по-разному. Но мало кто мог получить информацию о России непосредственно. Обычно венгерские журналисты писали статьи о России на основании сочинений и статей, написанных в Западной Европе.

2. ПЕРВЫЕ ВЕНГЕРСКИЕ МНЕНИЯ О РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: АСПЕКТЫ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ В СТРАНЕ

Наверное, царская интервенция в польское восстание в 1831 году была первым событием, которое действительно вызывало интерес венгерского общества в связи с Россией. Это событие также значительно повлияло на мнение венгров о Российской империи в будущем. В Венгрии намного чаще уделялось внимание событиям, происходящим на территории Царства Польского, чем другим подобным событиям в Европе (например: Греческая революция, Июльская революция во Франции), потому что польские общественные, экономические и политические условия были очень похожи на венгерские¹.

В Венгрии скоро получили сведения о начале восстания, газеты сообщали о нём 10 декабря. Венгерскоязычные газеты изданные в Вене часто осуждали польских повстанцев. Однако большинство венгерских газет писало о поляках положительно, несмотря на цензуру².

Венгерское общество в принципе симпатизировало восставшим. Симпатия общества выражалась не только в жестах, но и в конкретных действиях. В воспоминаниях часто писали о том, что поддержка поляков была значительнее всего в Северно-восточной Венгрии³. Эта часть страны была близка к польским территориям, с которыми у венгров, живущих в этой части страны, были семейные и торговые отношения. В Венгрии часто собирали деньги для польских раненых и прятали военных⁴. Венгерские военные иногда дезертировали из австрийской армии, чтобы воевать в восстании.

Во время польского восстания союз Пруссии, Австрии и России начал укрепляться. Австрия и Пруссия поддержали Российскую империю в подавлении восстания, потому что у них также были польские терри-

тории. При восстании эти страны усилили проверку на границах и польских повстанцев выдали России⁵.

В июле 1831 года вспыхнуло крестьянское восстание из-за эпидемии холеры в северно-восточной части Венгрии, где жило многочисленное русинское и словацкое население. Это событие показало, что славянские и православные народы в стране симпатизировали прежде всего русскому царю и Российской империи, а не полякам. Этот факт преумножил страхи венгерского дворянства, связанные с панславизмом⁶.

Польским вопросом также занимались в венгерской политике⁷. Но в политике дипломатическая помощь восставшим стала менее важной, чем обвинение Россией в интервенции и репрессии. В первый раз касались польского вопроса на местных политических собраниях в областях, а потом в нижней палате Государственного собрания. Следует отдельно отметить местные политические выступления, потому что они оказали влияние на атмосферу Государственного собрания⁸. В областях местные политики выражались о России крайне отрицательно, независимо от своих политических воззрений. В своих выступлениях они часто обвиняли Российскую империю в варварстве и отсталости. Венгры стали опасаться русского деспотизма в устрашающих масштабах Российской империи. Обычно эти политики противопоставляли Европу и Россию. Поляков считали защитниками Европы от азиатского варварства. Кроме этого, отмечали царские репрессии и жестокость. Это была не только критика России со стороны венгерских политиков, но и её моральное осуждение.

Эти обвинения были также выражены на государственном собрании в 1832–1834 гг.⁹ Обсуждение польского вопроса имело большое значение, так как на венгерском государственном собрании редко обсуждались вопросы внешней политики. Несмотря на то, что многие осудили Россию за подавление польского восстания,

мало кто действительно хотел поддержать Царство Польское.

3. ЦАРСКАЯ РОССИЯ И ВЕНГЕРСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В 1830–1848 ГГ.

В венгерской печати в эти годы всего лишь несколько венгерских статей и публикаций появилось о России. Большинство таких статей только касалось этой темы. Венгерские журналисты и авторы очень мало знали о царской России, а из западноевропейских изданий они часто получали не только информацию, но и стереотипы о ней. Целью эти венгерских статей обычно была не передача достоверной информации России, а подкрепление какого-то политического представления об этой стране. Неслучайно в них появились отрицательные мнения и предрассудки о царской России. После подавления польского восстания много авторов предполагало, что Российская империя начнет военную экспансию. Этот страх также проявился и в тех статьях, в которых писали сугубо об экономических вопросах¹⁰.

В этом отношении обязательно нужно отметить публицистическое произведение барона Миклоша Вешелени. Вешелени был одним из самых значительных фигур либеральной политики, настроенных против Габсбургов¹¹. Сегодня много историков считает упомянутую публикацию важным сочинением венгерского либерализма и национализма. Это публицистическое произведение уже содержит большинство существующих венгерских стереотипов о Российской империи и является самым детальным их перечнем на этот период. Вешелени написал это публицистическое произведение с целью, чтобы напомнить Венгрии и Европе о возможности военной экспансии со стороны царской России.

В этой работе Вешелени посвящает отдельную главу истории и общественным условиям России. Он считал, что историческое развитие этой страны отличается от европейского развития, поскольку Россия не является европейской страной. Вешелени писал об истории Российской империи с презрением. По его мнению, она окрепла и стала империей благодаря случайности, а жители России примитивные и отсталые. Венгерский публицист писал, что такая огромная империя может существовать только благодаря деспотизму, который основывается на необразованности и некультурности населения России. Он со страхом говорил о том, что Российская империя может распространить своё влияние.

Венгерские публицисты касались вопроса о политических и общественных условиях России также и в других изданиях, но эти публикации были менее детальными, чем публицистическое произведение Миклоша Вешелени. В них также можно найти сходные стереотипы о России. В связи с военной экспансией Российской империи эти авторы часто отмечали огромные размеры русской армии и огромную численность населения Российской империи. Несколько венгерских журналистов и публицистов считали, что хитрая русская дипломатия опаснее, чем русская армия. Многие думали также, что русский деспотизм угрожает венгерским стремлениям к расширению политических прав в Габсбургской империи¹².

Много венгерских авторов подчеркивали большое значение православной религии в русском историческом развитии, но, заметим, что в их отношении к ней наблюдаются определенные разногласия. С одной стороны, некоторые из них положительно писали о православной религии. По их мнению, религия играла более важную роль в русской истории, чем в истории других

европейских стран. Религия сохранила страну в трудных, сложных исторических ситуациях¹³.

Другие авторы, напротив, относились к религии России отрицательно. Они рассуждали так, что православие для Российской империи является средством для завоевания новых территорий в Европе. Они беспокоились о том, что религия укрепит связи царской империи с другими славянскими народами. Поэтому у Австрии и Венгрии были общие интересы против славянских народов. Эти авторы предполагали что славянские народы поддержат царскую империю в случае войны между Габсбургской империей и Россией¹⁴.

В этот период появилось несколько статей, которые касались России с точки зрения хозяйства и торговли. Эти статьи были более объективны, чем политические и идеологические публикации. Но венгерские авторы намного реже писали об экономических вопросах, чем о политических проблемах. Несмотря на объективность своих воззрений, эти авторы часто отмечали противоречия в экономических интересах Венгрии и царской России. Они часто писали о том, что после греческой войны за независимость Россия начала контролировать Дельту Дуная, поэтому русские органы власти часто препятствовали венгерским торговцам в свободном передвижении. Кроме этого, венгерские публицисты часто жаловались на экспансию русской хлеботорговли, которая угрожала венгерским интересам на международном рынке¹⁵.

4. ГРАФ ИШТВАН СЕЧЕНИ И РОССИЯ

Выше нами рассматривались мнения венгерских либеральных и национальных публицистов и политиков. Они обычно писали о России со страхом. Их воззрения значительно повлияли на общественное мнение. Но не только такие мнения появились в этот период о

России. Вышли в свет и более объективные статьи и тексты. Сочинения Иштвана Сечени принадлежат к этим текстам. Его политический подход отличался от тогдашних либеральных и консервативных политических представлений.

К сожалению, он касался России в тех сочинениях, которые он написал не с целью публикации (например, письма и дневник)¹⁶. Поэтому они не могли повлиять на общественное мнение. Конечно, у него также были страхи, связанные с Российской империей. Прежде всего, он критиковал русский деспотизм. Он тоже думал, что Российская империя завоеует новые территории на Балканском полуострове. Но он признал политические реальности. Он считал, что у царской России великодержавные интересы и возможности захватить территории на Балканском полуострове после падения Османской империи, но у России нет возможности объединить славянские народы. Кроме этого, он писал о том, что после греческой войны за независимость дунайское судоходство и торговля для царской России стали крайне важным вопросом, поэтому Венгрии следует договориться с Российской империей по этим экономическим и судоходным вопросам¹⁷.

5. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О РОССИИ

В этот период несколько венгерских путешественников посетили царскую Россию. Большинство венгерских путешественников в принципе не интересовались самой Россией. Многие посетили ее в поисках древней истории венгров. Венгерские путешественники обычно проводили только несколько недель на русской территории. Однако их записки являются важными документами, поскольку с их помощью венгерское общество могло получить информацию о России и непосредственно о самих русских¹⁸.

Следует упомянуть Фридеша Подманицки и Агоштона Трефорта как самых известных венгерских путешественников, которыми были написаны путевые записки о России¹⁹. Целью их путешествия в царскую Россию было ознакомление с этой страной. Они были там во время царствования Николая I. Каждый из них позже выполнял важные политические функции в Австро-Венгрии. Фридеш Подманицки стал главой Будапешта, а Агоштон Трефорт министром образования. В своих путевых записках они размышляли о России, используя стереотипы и вынося оценивающие замечания о ней, но все же они старались писать беспристрастно об этой стране. Они признавали, что перед поездкой у них было много предрассудков о России. Во время путешествия свои предрассудки путешественники сопоставляли с наблюдаемыми фактами. Мнения Подманицки и Трефорта были значительны, поскольку во многом повлияли на взгляды следующего поколения венгерских путешественников.

На границе России Фридеш Подманицки и Агоштон Трефорт прежде всего столкнулись со строгостью пограничного и таможенного контроля, а также с бюрократическими трудностями. Большие суммы уходили из-за коррумпированности российских служащих. Трефорт и Подманицки больше всего времени провели в Петербурге и в Москве, поэтому они много писали именно об этих городах. Они старались объективно описывать те общественные и бытовые условия, с которыми сталкивались. Путешественники признавали, что основание Петербурга было большим достижением в данных климатических условиях, а западноевропейский вид Петербурга вызывал у них удивление. Все же они считали, что Петербург был построен благодаря русскому деспотизму, что, по их мнению, проявляется в том, что здания города похожи друг на друга. О Москве венгерские путешественники писали с восхи-

щением, считали ее настоящим русским городом, в котором много древних памятников и ценностей. Тем не менее, они также отмечали азиатский характер и отсталость города.

В Москве и Петербурге путешественники посетили множество церквей и храмов, поскольку интересовались русской православной религией. Они обычно связывали православную церковь с русским государством. По мнению венгерских путешественников, православная религия потеряла свою значительность уже при Петре I, и с того времени служила в первую очередь русскому самодержавию. Они соглашались с тем, что после схизмы русское развитие отделилось от развития Европы.

Путешественники расходились во мнениях о русской истории. Трефорт признал, что Петр I старался приблизиться к Европе и поддерживал культуру, но в то же время царил в России как деспот. У Подманицки сложилось лучшее мнение об истории России чем у Трефорта. Он считал, что в наполеоновских войнах Россия задержала продвижение французской армии, несмотря на то, что венгерские авторы редко относились положительно к роли России в наполеоновских войнах. У этих венгерских путешественников были возможности вступить с русскими в контакт. Подманицки подробно писал о своих впечатлениях. Он считал, что русские люди много пьют, показно набожны и грубы. Но, кроме этого, он признавал упорство и выносливость русских.

Путешественники были согласны с тем, что Российская империя будет играть важную роль в истории Европы, но, вопреки этому, эта страна вызывала у них и страх. Оба путешественника отмечали отличие царской России от других европейских стран и подчеркивали, что ее особенность может стать в будущем ее преимуществом.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мнения венгров о России в этот период большей частью осуждающие и критические. Именно в эти годы появилось множество стереотипов и предрассудков о Российской империи, влияние которых будет ощущаться и в будущем.

Различия между Россией и Европой путешественниками объяснялись влиянием православной религии и особым русским развитием. Страх вызывали также размеры русской армии и самой Российской империи. Возможность вооруженного конфликта между царской Россией и Венгрией в будущем вызывала у Подманицки и Трефорта страх, который они и выразили в своих записках. С другой стороны, эти сочинения обыкновенно писались с целью подкрепления конкретных политических представлений и были далеки от объективных описаний политических и общественных условий России. Венгерские журналисты часто получали информацию о Российской империи из западноевропейских изданий, которые содержали много стереотипов о царской России, сыгравших значительную роль в будущем. Несмотря на то, что появились также издания, в которых более объективно отражались российские условия общественной жизни и быта, они были малодоступны для венгерского общества и не могли серьезно повлиять на венгерское общественное мнение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kovács Endre: A lengyel kérdés a reformkori Magyarországon [Польский вопрос в Венгрии в периоде реформ]. – Budapest, 1959. – P. 45–67.

² Mályuszné Császár Edit: Megbíráltak és bírálók: a cenzúrahivatal aktáiból, 1780–1867 [Обвиняемые и обвинитель. Из документов цензуры, 1780–1867.] – Budapest, 1985.

³ Pulszky Ferenc: Életem és korom. [Моя жизнь и моя эпоха] Sajtó alá rend.: Oltványi Ambrus. – Budapest, 1958. – P. 63.

⁴ Takáts Sándor: A magyar-lengyel szimpátia 1831-ben [Венгерско-польская дружба в 1831 году]. In: Budapesti Hírlap. – 1931. – November 3. – P. 249. sz.

⁵ Andics Erzsébet: A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi Magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete. [Союз Габсбургов и Романовых. Дипломатический пролог царской интервенции в Венгрии в 1849 году.] – Budapest, 1961. – P. 16.

⁶ Tilkovszky Lóránt: Az 1831. évi parasztfelkelés [Крестьянское восстание в 1831 году]. – Budapest, 1955. – P. 39–40.

⁷ Gerő András: A gondolkodás polgárosodása: a lengyel felkelés melletti érvek az 1832–1836. évi országgyűlésen. [Рождение гражданского мышления: аргументы за Польское восстание на государственном собрании 1832–1836 гг.] – P. 133–154. In: A magyar polgári átalakulás kérdései. Szerk.: Dénes Iván Zoltán- Gergely András-Pajkossy Gábor. – Budapest, 1984.

⁸ Pálmány Béla: A reformkori magyar országgyűlések történeti almanachja, 1825–1848. I. [Исторические данные венгерских Государственных собраний периода реформ 1825–1848.] – Budapest, 2011. – P. 31.

⁹ Kossuth Lajos: Országgyűlési Tudósítások [Сообщения о государственном собрании]. I–IV. Szerk.: a Történettudományi Intézet munkaközössége, Barta István vezetésével. – Budapest, 1948–1959.

¹⁰ Pesti Hírlap (газета) 1842. 11.10. 791.; 1842. 12.01. 843.

¹¹ Wesselényi Miklós: Szózat a magyar és a szláv nemzetiség ügyében [Слово о вопросе венгерского и славянского народа]. – Budapest, 1992.

¹² Pesti Hírlap 1843. 12.17. 866.

¹³ Ibid. 1842. 11.17. 809.

¹⁴ Deák Ferenc levele [Письмо Ференца Дэака] 1842. november 10–16. In: Deák Ferenc: Válogatott politikai írások és beszédek. I. S.a.r.: Molnár András. – Budapest, 2001. – P. 345.

¹⁵ Pesti Hírlap. 1842.11.10. 791.; 1843. 05. 25. 791.

¹⁶ Széchenyi István: Napló [Дневник]. Szerk.: Oltványi Ambrus. – Budapest, 1978. – P. 391, 447, 448.

¹⁷ Gróf Széchenyi István al-dunai diplomáciai kapcsolatai. Források a vízügy múltjából [Дипломатические отношения

Графа Иштвана Сечени на территории нижнего течения Дуная. Источники о зарегулировании реки]. Szerk.: Mészáros Vince. – Budapest, 1991. – P. 37-39.

¹⁸ Niederhauser Emil: Magyar utazók Oroszországban a XIX. században [Венгерские путешественники в России в XIX веке.]. – P. 131-168. In: Kovács Endre: Magyar – orosz történelmi kapcsolatok. – Budapest, 1956.

¹⁹ B. Podmaniczky Frigyes: Úti naplóból [Из моих путевых записок]. – Pest, 1853.; Trefort Ágoston: Utazási töredékek [Фрагменты путевых записок]. – P. 225-259. In: Budapesti Árvízkönyv, IV. – Pest. 1841.

М.М. Кудюкина

Российское крестьянство и мировая революция

В историографии давно стало общим местом, что восприятие внешнего мира политической элитой во многом определяет международную политику, особенно в кризисных ситуациях. От идеологических установок – пусть даже они и не всегда соответствуют реальности – в значительной степени зависят решения, принимаемые на государственном уровне. Однако при изучении восприятия и осознания международных отношений как одной из составляющих внешнего мира необходимо учитывать не только мировоззрение «верхов», но и образы, формирующиеся у других слоев общества. Образы эти возникают под влиянием государственной идеологии, трансформируются и приспособливаются к уже сложившимся стереотипам, жизненным принципам различных групп населения, которые в новое и новейшее время становятся не только объектом, но и субъектом международных отношений. В первой четверти XX в. этот процесс захватил российское крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения страны.

Идея мировой революции – одна из основных мифологем советской идеологии. В обыденном сознании прочно укрепилось представление, что именно стремление «раздуть мировой пожар» определяло внешнюю политику государства во главе со Сталиным. Эта упрощенная трактовка исторической реальности не учитывала, что учение о мировой революции трансформировалось в соответствии с изменениями между-

народной ситуации и далеко не всегда определяло процесс формирования внешнеполитических стереотипов. В то же время необходимо учитывать, что представления о мировом революционном процессе влияли и на определение политики внутри страны, тем более, что российская революция рассматривалась идеологами как часть мировой революции.

1920-е годы могут послужить примером пересмотра *содержания* понятия «мировая революция» идеологами большевизма при сохранении *лозунга*. Утопические надежды первых послереволюционных лет ушли в прошлое, взгляды деятелей Коминтерна обратились на страны Востока с преобладающим крестьянским населением. Возникла необходимость скорректировать теорию развития мирового революционного процесса для стран, где пролетариат или фактически отсутствовал, или был крайне немногочислен. Естественно, что при этом учитывался опыт и роль российского крестьянства в революциях 1905 и 1917 годов.

На опыт революции 1905 г. ссылался в 1926 г. И.В. Сталин, характеризуя грядущую революцию в Китае: «Будущая революционная власть в Китае будет в общем напоминать по своему характеру такую власть, о которой у нас говорилось в 1905 году, т. е. что-нибудь вроде демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, с той, однако, разницей, что это будет власть, антиимпериалистическая по преимуществу»¹.

Крестьянство преобладало и во многих странах Европы: «Кроме стран капиталистически развитых, где победа революции приведет сразу к пролетарской диктатуре, существуют еще страны, капиталистически мало развитые, с феодальными пережитками, со специальным аграрным вопросом антифеодального типа (Польша, Румыния и т. д.), где мелкая буржуазия, особенно крестьянство, обязательно скажет свое веское слово в случае революционного взрыва, и где победа

революции, для того, чтобы привести к пролетарской диктатуре, может и наверняка потребует некоторых промежуточных ступеней в виде, скажем, диктатуры пролетариата и крестьянства»².

Л.Д. Троцкий, развивая теорию перманентной революции, считал, что пролетариат может осуществить успешную социалистическую революцию только при поддержке крестьянства, но никакой демократической диктатуры рабочих и крестьян быть не может³. Преобладание крестьянства делало, по его мнению, невозможным построение социализма в СССР без построения социализма в мировом масштабе: «Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе»⁴.

И.В. Сталин, отстаивая возможность построения социализма в СССР, постоянно акцентировал внимание на роли российского крестьянства как союзника пролетариата.

Изменения в идеологии правящей партии по крестьянскому вопросу в середине 1920-х годов определялись как необходимостью вести полемику с Троцким, так и осложнившимся внутренним положением в стране.

Взаимоотношения власти и крестьянства к середине 20-х годов оказались в критическом состоянии. Крестьяне несколько оправились от ужасов гражданской войны, получили большую возможность для развития хозяйства и, естественно, пытались отстаивать свои интересы, прежде всего экономические. При этом органы советской власти авторитетом не пользовались, партия большевиков теряла свою социальную опору в деревне.

Пытаясь выйти из кризиса, доказывая, что крестьянство, как писал Ф.Э. Дзержинский в 1924 г., «является предметом заботы власти, которая готова пойти на большие жертвы в деле помощи и восстановления кре-

стьянского хозяйства»⁵, полемизируя с Л.Д. Троцким и его сторонниками, которые постоянно подчеркивали возросшую «кулацкую» опасность, руководство страны пошло на объявление политики «Лицом к деревне», объявив о поддержке среднего крестьянства и поощрении развития экономически успешных хозяйств. Этот поворот в политике, который в реальности очень скоро был заменен активизацией работы с деревенской беднотой, оказался непонятен большинству коммунистов, привыкших управлять крестьянством с помощью методов гражданской войны.

Интересно отметить, что, обосновывая необходимость установления новых принципов взаимоотношений с деревней, пытаясь убедить советских и партийных функционеров в необходимости совершенствования методов работы с крестьянством и в том, что изменение тактики отношений с крестьянством не означало отказа от основных коммунистических постулатов, И.В. Сталин прежде всего апеллировал к развитию мирового революционного процесса. Так, например, он указывал, что «крестьянство является единственным союзником, который может теперь же оказать нашей революции прямую помощь... Все остальные союзники⁶, имея за собой великое будущее и представляя величайший резерв нашей революции, все же, к сожалению, теперь прямой помощи нашей власти, нашему государству оказать не в силах»⁷.

Важность этого союза не ослаблялась даже тем, что крестьянство было недостаточно надежным союзником. Говоря об этом, Сталин ссылаясь как на исторический опыт – позицию крестьянства в гражданской войне⁸, так и на экономические интересы крестьян⁹. Для укрепления союза пролетариата и крестьянства требовалась работа по просвещению крестьян, ведь крестьянство после победы революции на Западе «станет одним из самых верных союзников рабочего класса нашей страны»¹⁰.

Ведя полемику с Троцким, Сталин опирался на авторитет В.И. Ленина, который считал, что «10–20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа **во всемирном масштабе** (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)»¹¹.

Победа над троцкистской оппозицией и изменение ситуации в деревне, связанное с хлебозаготовительным кризисом, привели к тому, что внимание к российскому крестьянству как активному участнику мирового революционного процесса заметно снизилось, на первый план вышел столь же расплывчатый, но намного более прагматичный лозунг обострения классовой борьбы по мере построения социализма.

При изучении любой идеологии необходимо проследить, насколько эффективно лозунги внедрялись в массовое сознание, как они воспринимались и трансформировались, насколько высока была готовность (а чаще неготовность) советского крестьянства жертвовать своими интересами – прежде всего, экономическими – ради мировой революции. Восприятие идеи мировой революции крестьянами важно проследить не только потому, что они составляли подавляющее большинство населения и более половины состава Красной армии (в 1928 г. – 65,4%¹²), но еще и потому, что значительная часть представителей советской политической структуры среднего и низшего уровня имела крестьянские корни. Миграция населения из деревни в города привела к формированию значительного крестьянского пласта в так называемой городской культуре.

Представления о мировом революционном процессе были лишь одной из составляющих – причем далеко не самой важной – образа внешнего мира.

Возможности для изучения проблемы расширились в связи с публикацией в последние десятилетия многочисленных документов, ранее недоступных для исследователей¹³.

Источники, позволяющие выявить представления сельских жителей России в 1920-е годы, многочисленны и разнообразны. Часть из них исходит непосредственно от крестьян: письма в различные газеты и центральные органы управления, крестьянские наказы, фольклор, протоколы и стенограммы заседаний органов управления от сельсоветов до съездов советов разных уровней.

Другой значительный комплекс источников составляют отчеты, спецдонесения и справки ОГПУ о политическом состоянии деревни; обследования, сводки и обзоры настроений населения, выполненные по заказу центральных органов советской власти и ВКП(б). Особый интерес для изучения данной проблемы представляют сводки, составленные в связи с «военной опасностью» 1927 г.

Сравнительно много данных о настроениях крестьян содержится в документах, отражающих «взгляд со стороны» на деревенскую действительность. Это отчеты советских и партийных работников, посланных в командировки для проведения тех или иных кампаний, их письма, содержащие характеристику общественно-политической ситуации, статьи корреспондентов о жизни деревни и т.д.

Сложность научной обработки этих разнообразных источников, как и большинства документов, отражающих проблемы массового сознания, заключается в их субъективности, политической заданности отбора первоначального материала, отрывочности. Представляется, однако, что сопоставление разнородных документов все же позволяет воссоздать достаточно достоверную картину восприятия крестьянами внешнего мира.

Основным источником информации о внешнем мире для крестьян, конечно, служили газеты. Однако далеко не всегда они были доступны крестьянам. Не говоря уже о том, что уровень грамотности в 1920-е гг. был низким, газеты до мелких населенных пунктов не-

редко просто не доходили совсем или поступали с большим опозданием. Докладчики из городов также, как правило, выступали лишь в деревнях, где были сельсоветы. Крестьяне Костромской губернии в 1928 г. жаловались, что «не осведомлены о международном положении, не получаем целыми годами соответствующих докладов и разъяснений... Газеты приносятся в сельсовет, который обслуживает 12 селений в радиусе пяти верст... Просим нашу центральную власть, не найдется ли возможность сделать распоряжение периодически разъяснять нам о международном положении»¹⁴. Но даже в том случае, когда газеты были доступны, необходимо учитывать, что пресса, особенно предназначенная для деревни, примитивизировала и упрощала идеологические постулаты. Не спасали положения и заезжие докладчики, которые сами не очень-то разбирались в хитросплетениях и тонкостях официальной идеологии и предпочитали оперировать привычными, часто уже устаревшими лозунгами, «трескотней о "мировой политике", о Чемберлене и Макдональде»¹⁵. Более того, таким агитаторам было намного спокойнее, когда крестьянство не только не знало, но и не интересовалось событиями. Один из местных партийных функционеров искренне считал, что «без газет спокойнее и лучше, а то еще прочтут мужики, и пойдут всякие расспросы, и потом не оберешься возни с ними»¹⁶. Доклады о международном положении проводить было намного легче, чем заниматься практической повседневной хозяйственной работой.

Информация о внешнем мире часто доходила до крестьян из вторых рук, когда последние новости обсуждались во время поездок на рынок, разговоров с горожанами-отпускниками, демобилизованными красноармейцами, получавшими представление о международном положении на политзанятиях. Ничего удивительного, что в условиях, когда для многих крестьян внеш-

ний мир начинался не за границами страны, а за околицей деревни, информация часто искажалась, порождала массу слухов, осмысливалась с точки зрения уже имевшихся у крестьян представлений, включавших в себя и историческую память, и опыт предшествующих лет. Например, Политуправление Красной Армии постоянно подчеркивало, что новобранцы, большинство которых составляла деревенская молодежь, имели весьма смутное представление о последних международных событиях, хотя и интересовались ими¹⁷.

Интерес крестьян к международным делам был в первую очередь вызван их возможным влиянием на хозяйственное развитие деревни. Резолюции по докладам принимались часто без обсуждения, вопросов задавалось немного, и они в первую очередь касались угрозы войны, внешней торговли и выплаты СССР царских долгов западным странам. Об этом же свидетельствует и анализ крестьянских писем. Например, из 739 писем, полученных «Крестьянской газетой» во второй половине 1926 г. только в 32 говорилось о международных делах, да и то в связи с ожиданиями войны¹⁸.

И все же постоянная агитация оказывала влияние на формирование образов внешнего мира, очень упрощенных, без полутонов, адаптированных к традиционному миру российского крестьянства.

Постоянное подчеркивание классовых противоречий, противопоставление «безумной роскоши», духа наживы тяжелому положению западного пролетариата не могло не создать впечатление о капиталистических странах как о мире, раздираемом внутренними противоречиями, стоящем на грани революции, что, естественно приводило к переоценке революционного потенциала Запада, ожиданию скорой мировой революции и недоумению, почему не принимаются меры для ее ускорения. Документы свидетельствуют, что многие сельские партячейки после прослушивания докладов об

экономическом положении Европы выносили резолюции типа: «Принимая во внимание наличие кризиса и предпосылку к революции, просить Коминтерн объединить мировой пролетариат и скорее свергнуть мировую буржуазию»¹⁹.

Одним из проявлений представлений крестьян о мировом революционном процессе были взгляды на международную солидарность трудящихся.

Уверенность в заинтересованности Запада положением дел в СССР сосуществовала, а во второй половине 20-х гг. активно вытеснялась представлением о солидарности с мировым пролетариатом, что было характерно не только для коммунистов. Это, скорее, было самым распространенным убеждением, которое в середине 20-х гг. крестьяне, да и не только они, всерьез не пытались оспаривать. Резолюции различного рода крестьянских собраний о солидарности с бастующими горняками Англии, жителями колоний, революционным Китаем, с коммунистами западных стран, боровшимися против фашистских и полуфашистских режимов принимались повсеместно и далеко не всегда были навязаны крестьянам решением сверху.

Косвенным доказательством веры населения в действенность рабочей взаимопомощи может служить попытка оказать давление на советское правительство, апеллируя к мировому пролетариату: «Тов. Молотов, если вы не примете меры, то мы, беднота, будем писать за границу письма, и пуцай заграничный пролетариат читает, как нам здесь беднякам живется»²⁰.

Однако начинали появляться и сомнения в безоговорочной международной солидарности трудящихся, в революционности западного пролетариата: «Мы английским рабочим отчисляли свои последние гроши, а теперь они никакой помощи в трудную минуту не оказывают», «хотя бы демонстрации рабочие делали, что ли, а раз молчат рабочие – это буржуазии на руку»²¹.

Необходимо отметить, что на представления крестьян о внешнем мире сильно повлияла сложная внутриполитическая и экономическая ситуация 1927 г., военные тревоги. Мировая революция в глазах крестьян стала ассоциироваться с неизбежностью войны. Характерно, что в крестьянской среде не было распространено высказываний, неоднократно отмеченных в городах, о том, что враждебная позиция западных стран спровоцирована поддержкой СССР мирового революционного движения, причины возможного конфликта СССР и западных стран крестьяне прежде всего искали в экономических претензиях Запада.

Контроль за настроениями населения СССР во время военной тревоги 1927 г. выявил широкий спектр настроений по поводу возможной войны. Большая часть крестьян, естественно, стремилась избежать войны даже ценой значительных уступок со стороны СССР. В то же время стало ясно, что идея мировой революции и возможности экспорта революции по-прежнему присутствовала в настроениях: возможная война, даже если ее и позволит начать западный пролетариат, должна оказаться легкой для СССР, так как в ходе ее будет освобожден угнетенный рабочий класс, армию-освободительницу «будут встречать с красными флагами, особенно наши соседи: Польша, Румыния, Болгария»²².

С другой стороны постоянное подчеркивание наличия международной солидарности привело к появлению ожиданий своеобразной «мировой контрреволюции», капиталистические страны Запада воспринимались частью крестьянства как союзники, готовые защищать население страны от советской власти: «Советские угрозы для нас пустяки, иностранцы стремятся помочь крестьянам, если сейчас будет забастовка крестьян, иностранцы двинутся к нам на помощь». Особенно заметными эти настроения «антипролетарской международной солидарности» были в пограничных районах.

Появлялись антисоветские листовки с «международными» лозунгами: «Да здравствует разрыв англо-советских отношений!»; «Со всей решимостью за Англией на борьбу с СССР!»; «Да здравствуют русские белогвардейцы, проживающие в Англии и борющиеся за восстановление русского царизма!»; «Как не готовьтесь к войне и побеждению империализма, но все равно, красная свора, великие массы и друзья на стороне капитала!» и т.д.²³

Можно сделать вывод, что в 1920-е годы полемика о возможной роли российского крестьянства как основного союзника пролетариата в мировой революции определялась прежде всего интересами борьбы с троцкизмом и, одновременно, использовалась для обоснования правомерности смягчения политики в отношении крестьянства в 1924–1925 гг.

Что же касается крестьянства, то для него идея мировой революции оставалась по преимуществу формальным лозунгом, интересующим крестьян в первую очередь в контексте ожидания войны. Вместе с тем источники фиксируют весьма широкий спектр крестьянских настроений, что являлось одним из проявлений раскола внутри крестьянской общности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сталин И.В. Соч. – Т. 8. – М., 1948. – С. 365–366.

² Там же. – Т. 11. – М., 1949. – С. 155.

³ Троцкий Л.Д. Перманентная революция. – М., 2005.

⁴ Троцкий Л.Д. История русской революции. – Ч. 2. – М. 1997. – С. 346.

⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. – Т. 2. – М., 2000. – С. 206.

⁶ Остальные союзники, по определению Сталина, это пролетариат развитых стран, колонии, а также конфликты и противоречия между развитыми странами.

⁷ Сталин И.В. – Соч. – Т. 7. – М., 1947. – С. 11.

⁸ «Разве это не верно, что крестьянство во время нашествия Колчака и Деникина сплошь и рядом колебалось то в сторону рабочих, то в сторону генералов? А мало ли крестьян было в армиях Деникина и Колчака, крестьян-добровольцев? (...) в минуту трудную, когда Колчак и Деникин напирали на рабочих, крестьянство, как союзник рабочего класса, не всегда проявляло достаточную стойкость и твердость». См.: *Сталин И.В.* – Соч. – Т. 8. – С. 93.

⁹ «Что некоторые противоречия между пролетариатом и крестьянством существуют, - этого, конечно, нельзя отрицать. Достаточно вспомнить все то, что происходило у нас и происходит в связи с политикой цен на сельскохозяйственные продукты, в связи с лимитами, в связи с кампанией понижения цен на фабрикаты и пр., чтобы понять всю реальность этих противоречий. Два основных класса стоят перед нами: класс пролетариев и класс частных собственников, т. е. крестьянства. Отсюда неизбежность противоречий между ними». См.: *Сталин И.В.* – Соч. – Т. 7. – С. 43.

¹⁰ *Сталин И.В.* – Соч. – Т. 8. – С. 94.

¹¹ Там же. – Т. 7. – С. 45.

¹² Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928–1933 гг.). – Napoli. 1996. – С. 72.

¹³ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг. Документы и материалы: в 5 т.: Т. 1: 1927 – ноябрь 1929 г. – М., 1999; Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – М., 2000; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т.: Т. 2. 1923–1929. – М., 2000; «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг. – Т. 1–8. – М., 2001–2008 и др.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 1. Д. 312. Л. 1.

¹⁵ *Сталин И.В.* Соч. – Т. 7. – С. 50.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 127. Л. 100.

¹⁸ Там же. Д. 16. Л. 281.

¹⁹ Там же. Оп. 68. Д. 402. Л. 4.

²⁰ Там же. Оп. 85. Д. 16. Л. 46

²¹ Там же. Д. 217. Л. 36.

²² Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 262. Л. 140.

²³ Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 219. Л. 53.

А.В. Голубев

**Типология инокультурных представлений
в российском/советском обществе
первой половины XX века**

Представления о внешнем мире, бытующие в общественном сознании, весьма разнообразны. Можно говорить о разных уровнях этих представлений, об их происхождении и специфике бытования, о содержании и эмоциональной окрашенности и т.п. Тем не менее ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире может применяться общий термин – «инокультурные представления».

Важность изучения инокультурных представлений давно уже признана и зарубежными, и российскими историками; необходимо отметить, что в России это направление исследований в последние два десятилетия развивается особенно динамично¹. Ряд обстоятельств делает это развитие особенно успешным: во-первых, от культурологических работ, декларирующих, на основе отдельных примеров, общие положения имэджинологии, российские исследователи перешли к конкретно-историческим исследованиям, основанным на обширной источниковой базе. Во-вторых, в оборот вводятся, помимо многочисленных архивных документов, писем и дневников, новые виды источников – слухи, карикатуры, материалы устной истории и т.д. Наконец, хотя пока скорее как исключение, появляются первые междисциплинарные проекты. Многие молодые исследователи изначально избирают это научное направление, о чем говорит целый ряд защищенных в последние годы по этой проблематике диссертаций².

И тем не менее в российской историографии еще не утвердилась общепринятая терминология, продолжаются дискуссии и по основным понятиям, связанным с этим направлением³.

Задача данной статьи – предложить типологию инокультурных представлений советского общества и в самых общих чертах проследить их эволюцию в течение первой половины XX века.

На наш взгляд, первый уровень инокультурных представлений составляют стереотипы – упрощенные, устойчивые, эмоционально окрашенные представления о внешнем мире, основанные, как правило, не на личном, а на групповом опыте.

Впервые понятие стереотипа использовал еще в 1922 г. У. Липшман, который определял их как упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов⁴.

Среди стереотипов выделяются стереотипы общения, поведения, восприятия. Понятно, что инокультурные представления включают в себя прежде всего стереотипы восприятия. Эти стереотипы различаются по содержанию и по специфике повлиявшей на их возникновение информации, но механизмы их формирования идентичны.

Наиболее распространенной категорией, которая традиционно упоминается в качестве основного типа инокультурных представлений, являются этнические (этнокультурные) стереотипы. «Этнокультурные стереотипы – это обобщенные представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Немецкая аккуратность, “русский авось”, китайские церемонии, африканский темперамент, вспыльчивость итальянцев, упрямство финнов, медлительность эстонцев, польская галантность – стереотипные представления о целом народе, которые распространяются на каждого его представителя»⁵.

Однако это понятие является односторонним, ибо подразумевает лишь представления об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть еще представления о тех или иных государствах, которые составляют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т.д.

Помимо этнокультурных стереотипов существуют и другие виды стереотипов, связанных с восприятием иной культуры. Для традиционного общества наиболее характерными, помимо этнических, являются географические стереотипы.

Концепция географических стереотипов была сформулирована Д.Н. Замятиным (впрочем, он использовал менее удачный термин – «образ»): «Географические образы – это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопространственные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географически выделенными территориями»⁶.

Однако если сам автор концепции подразумевает под географическими образами прежде всего «геопространственные представления», некоторые его последователи идут гораздо дальше. Как подчеркивает А.А. Василенко, «базовым для исследования является концепция географических образов», при этом «образ Германии понимается как определенная целостность ощущений и пространственных представлений, обусловленная знаниями о географии страны (природа, ландшафты, важнейшие реки и т.п.), а также представлениями о политическом устройстве страны, ее истории, культуре, быте, нравах и т.п.; причем разносторонние сведения о стране способствуют формированию устойчивого, целостного образа»⁷.

Однако столь расширительное толкование географических образов трудно признать удачным: пред-

ставления о политике, истории, культуре, быте и т.д. далеко выходят за рамки географии; более того, чисто географические представления играют в образе страны явно второстепенную роль.

В процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу географические и этнические стереотипы дополняются и частично вытесняются внешнеполитическими и культурными стереотипами, которые включают в себя, помимо прочего, представления о политике различных государств, их национальной истории, культуре, современной жизни.

Прежде всего на основе культурных стереотипов возникают так называемые образы, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы⁸.

Поэтому «образ другого» как сложная, синтетическая категория являет собой динамическую систему представлений и мнений, обладающую как стереотипными, так и дифференцированными чертами, как рациональными, так и эмоциональными компонентами. Соотношение и сочетание этих элементов зависит от степени рационализации/мифологизации сознания субъекта восприятия, его образованности, мировоззрения, личного опыта взаимодействия с другой культурой, влияния социального и культурного окружения.

* * *

Модернизация как переход от традиционного общества к индустриальному, помимо реформ политического строя, роста социальной мобильности, индустриализации, урбанизации, распространения образования, наконец, формирования гражданского общества, включает в себя также необратимые изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры. И, в ча-

стности, радикально меняются механизмы восприятия внешнего мира.

Обычно эти процессы происходят эволюционно: новые представления о мире формируются среди интеллектуальной и политической элиты, затем постепенно захватывают средние слои общества и, наконец, по мере распространения социальных реформ, введения всеобщего образования и т.п., распространяются на широкие массы населения.

В России этот процесс, однако, имел свою специфику. Его эволюционное развитие (как и процесс формирования гражданского общества в целом) было сильно заторможено и даже деформировано в силу целого ряда обстоятельств. В результате в начале XX века происходят без преувеличения революционные изменения в этой области.

В течение XVIII–XIX столетий в народной культуре доминировали традиционные представления. Степень мифологизации представлений о внешнем мире напрямую зависела от отсутствия информации, которое, в свою очередь, было связано не только с недостаточными возможностями ее получения, но зачастую и с отсутствием интереса. Неоднократно отмечалось, что крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение»⁹. Это же относилось и к современным им внешнеполитическим сюжетам. Так, А.Н. Энгельгардт в своих известнейших «Письмах из деревни» в 70-е годы XIX в. писал: «Крестьяне, по крайней мере нашей местности, до крайности невежественны в вопросах религиозных, политических, экономических, юридических...». И далее он приводит ряд курьезных представлений, бытовавших среди крестьян, об Англии или Германии¹⁰.

Но даже в этих представлениях тем не менее прослеживаются определенные тенденции; например, «англичанка» выступает как правило в качестве враж-

дебной для России силы. Здесь, очевидно, отразились внешнеполитические стереотипы, характерные для российской политической элиты тех времен, какими-то путями проникавшие и в народную массу.

В начале XX в. происходит постепенное вытеснение традиционных этнических стереотипов, отраженных прежде всего в фольклоре, стереотипами с ярко выраженной политической окраской или внешнеполитическими стереотипами. Другими словами, представления о немцах, англичанах, поляках как фольклорных персонажах, в значительной степени сменяются представлениями о Германии, Великобритании, Польше как геополитической реальности. Именно эти представления господствовали в массовом сознании на протяжении всего межвоенного периода.

Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала – проигранная русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире; затем – революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла первая мировая война. Как писала газета «Московская копейка» 19 января 1915 г., «темный деревенский народ, как никто, интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до ломотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки»¹¹. Именно в годы войны, как вспоминал впоследствии провинциальный издатель, тираж губернской газеты вырос с 7 до 10 тыс. экземпляров, причем впервые газету стали выписывать рабочие (хотя пока и немногие)¹².

В ходе войны Запад (расколовшийся на врагов и союзников) стал вызывать не просто интерес, но интерес в высокой степени эмоционально окрашенный. На-

блюдатели последовательно зафиксировали невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование образа врага в лице немцев и их союзников, а к концу войны – стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения¹³.

Однако мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильному социальному, политическому, культурному, и, разумеется, психологическому потрясению – свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, гражданской войне...

Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и все расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской «глубинке», на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и так далее). Порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью

которого являлась Советская Россия, перестало быть прерогативой лишь образованных слоев населения.

Мир – Запад прежде всего – представлял как в качестве *источника* вполне реальной *угрозы* (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя), так и, напротив, в качестве *источника благоприятных изменений*. В последнем случае речь идет не только о противниках Советской власти, ждавших извне освобождения от власти большевиков, но и, в ряде случаев, о ее сторонниках. В их понимании Запад, например, мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага или просто путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (ропуска колхозов, снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

Но, помимо этого, пропаганда формировала, а общественное сознание воспринимало иной образ Запада, который был ужасен, античеловечен, и должен был одновременно служить мобилизующим фактором и контрастом, оттеняющим завоевания социализма. Это соответствовало особенностям мифологического сознания. По мнению культуролога И.Г. Яковенко, «в природе мифологического сознания лежит симметричная модель мира/антимира. В соответствии с нею, “иной” мир понимается как вывернутая наизнанку модель родной культуры»¹⁴.

Вместе с тем Запад в целом, как подчеркивает Яковенко, «оказывался одним из стержневых концептов, с которым соотносилось, отталкиваясь от которого самоосознавалось, по отношению к которому структурировалось советское общество»¹⁵. Другими словами, Запад выступал в качестве своеобразного эталона – именно с его жизнью, бытом, культурой сравнивалось все происходившее в СССР, он же выступал и в качестве альтернативы, неважно, с позитивным или негативным наполнением.

В целом отличительной чертой массового сознания 1920-х годов явилась поляризация представлений о внешнем мире, сопоставимая с поляризацией внутриполитических позиций. Если для одних образ вчерашних союзников и Запада в целом в соответствии с официальной мифологией рисовался исключительно в мрачных тонах, то для других Запад представлял в виде зеркальной альтернативы всему происходящему в СССР, но уже с положительным знаком.

В условиях экономического кризиса 1929–1933 гг. советская печать широко освещала действительно имевшие место факты резкого ухудшения положения широких масс, роста безработицы и социальной напряженности, массового разорения крестьянских хозяйств.

Постепенно ситуация в странах Запада стабилизировалась, но тезис о постоянном ухудшении положения трудящихся (к нему было лишь добавлено определение «относительное») и нарастании классовой борьбы остался, догматизировался и воспроизводился при каждом удобном случае, со временем заменив собой идею «мировой революции».

В массовом сознании утверждалось мало соответствующее реальности представление о том, что СССР является одним из основных мировых «центров притяжения». Одновременно создавался образ СССР как позитивной альтернативы Западу. При этом относительный (хотя и реальный) подъем жизненного уровня в середине 30-х годов по сравнению, например, с 1931 г., расценивался как абсолютный.

Преувеличивалась роль СССР в международной политике. На самом деле в 1930-е годы даже в европейских делах западные страны предпочитали скорее игнорировать СССР, чем видеть в нем основного соперника. Ситуация стала меняться по мере нарастания фашистской угрозы, но и тогда потенциальные возможности СССР как союзника на Западе склонны были преуменьшать. Несомненно, существовавшие в полити-

ке капиталистических стран антисоветские тенденции никогда не были определяющими именно из-за невысокого мнения о реальном весе СССР. Советская же пропаганда постоянно подчеркивала решающее влияние Советского Союза на всю систему международных отношений. Неадекватное представление о роли СССР в мире сопровождалось возникновением своеобразной иллюзии превосходства в отношении достижений советской культуры. Признавая определенную отсталость культуры материальной, официальная пропаганда основной упор стала делать на успехи в области культуры вообще, и политической культуры в частности. Постепенно, особенно среди молодежи, сформировалось представление о том, что учиться у Запада уже нечему.

К концу 30-х годов стереотипы массового сознания в основном были сформированы именно официальной пропагандой. Это не означает, что они механически повторяли ее; зависимость на самом деле была гораздо более сложной. Пропаганда служила *основным материалом* для формирования стереотипов, которые порой упрощали ее до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного», например: «положение безработного очень тяжелое, за несчастным супом стоят огромные очереди, а мы полностью снабжаем рабочий класс, что ему необходимо, но мы очень хорошо не можем снабжать, так как мы жертвуем в пользу социалистического строительства», – говорили на занятиях пропагандисты. А в ответ раздавались реплики: «Вы сравниваете столь тяжелую жизнь в капиталистических странах, но это не так, ибо приезжие безработные из Америки лучше выглядят наших рабочих»¹⁶.

* * *

Эволюцию инокультурных представлений российского/советского общества в первой половине XX века можно вкратце представить следующим образом. В начале века в элите «образованного класса» (знавшей языки, имевшей доступ к западной культуре, выезжавшей за

границу) преобладали инокультурные стереотипы и образы. Среди той его части, которая воспринимала внешний мир опосредованно, не отличалась особыми культурными интересами, были распространены стереотипы внешнеполитические. Среди же основной массы населения преобладали этнические стереотипы.

В 1920–1930-е годы инокультурные и этнические стереотипы в значительной мере были вытеснены внешнеполитическими: с одной стороны, явно снизился уровень элит, с другой – выросли и уровень массового образования, и доступ и интерес населения к информации о внешнем мире.

В годы второй мировой войны сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции, особенно среди представителей интеллигенции, расценивалось как начало нового этапа взаимоотношений СССР и ведущих стран мира. Впрочем, позитивных изменений ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в городах, и в деревне.

Оставили след межсоюзнические отношения, сопровождавшиеся изменениями в пропаганде, и в ряде случаев – личные контакты советских граждан с союзниками. Тем более важными оказались массовые впечатления от увиденного в Европе в 1944–1945 гг., которые резко контрастировали с советской действительностью и весьма отличались от удручающих картин западной жизни, тиражируемых официальной пропагандой. Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании.

В послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда – идеологические кампании конца 1940-х – начала 1950-х гг., в том числе «борьба с космополитизмом»). Но такие меры давали лишь ограниченный и временный эффект. Эволюция инокультурных представлений продолжалась и в конечном итоге сыграла значительную роль уже в 1980–1990-е годы¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Голубев А.В.* Проблема взаимовосприятия культур: предварительные итоги и ближайшие перспективы изучения // *Историк и мир – мир историка в России и Центрально-Восточной Европе.* – Будапешт, 2013. – С. 20–28.

² См.: *Голубев А.В., Есаков В.Д.* Сорок лет Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН // *Труды Института российской истории.* Вып. 9. – М., 2010. – С. 504–520

³ См.: *Казакова О.Ю.* Понятийный аппарат исследований инокультурных представлений // *Российская история.* – 2010. – № 5. – С. 10–32.

⁴ *Липпман У.* Общественное мнение. – М., 2004. – С. 95.

⁵ *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М., 2001. – С. 108.

⁶ *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. – СПб., 2003. – С. 183.

⁷ *Василенко А.А.* Образ Германии в интеллектуальной среде России 30–40-х гг. XIX в. Автореф. канд. дис. – Омск, 2007. – С. 18.

⁸ О разнице между образами и стереотипами см.: *Егорова Е., Плеваков К.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения.* – 1988. – № 12. – С. 19–33.

⁹ *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. – М., 1992. – С. 171.

¹⁰ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. – М., 1960. – С. 216.

¹¹ Цит. по: *Голубев А.В., Поршинева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. – М., 2012. – С. 102–103.

¹² *Шафир Я.* Газета и деревня. – М.-Л., 1924. – С. 19.

¹³ Подробнее об этом см.: *Голубев А.В., Поршинева О.С.* Образ союзника... С. 123–173; *Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века.* – М., 1998. – С. 53–67.

¹⁴ *Россия и Запад...* С. 34.

¹⁵ Там же. С. 302.

¹⁶ Центральный архив общественных движений г. Москвы. Ф.3. Оп. 49. Д. 16. Л. 9; Д. 23. Л. 101.

¹⁷ Подробнее см.: *Голубев А.В.* Революция в инокультурных представлениях российского общества // Граждано-ногенез в России. – Кн. 1. Брянск, 2009. – С. 144-175.

Авторы

Голубев – к.и.н., ведущий научный сотрудник
Александр Владимирович
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

Кёсеги – докторант, Центр Русистики
Жолт
Будапештского университета
(Köszeghy, Zsolt) им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Кечкеметы – докторант, Центр Русистики
Габор
Будапештского университета
(Kecskeméti, Gábor) им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Кондаков – д.ф.н., профессор,
Игорь Вадимович
Российский Государственный
Гуманитарный Университет,
Москва, Россия

Кудюкина – главный специалист,
Мария Михайловна
Российский государственный архив
экономики,
Москва, Россия

Куприянов – к.и.н., научный сотрудник, Институт
Павел Сергеевич
этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия

Свак – д.и.н., профессор, Центр Русистики
Дюла
Будапештского университета
(Szvák, Gyula) им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Шухайда – докторант, Центр Русистики
Саболч
Будапештского университета
(Suhajda, Szabolcs) им. Лоранда Этвеша, Венгрия

POSZT-SZOVJET FÜZETEK

- I. A peresztrojka vége? (1991)
- II. Andrej Petrov: Privatizálás a Szovjetunióban (1991)
- III. A Szovjetunió vége? (Szakértői gyorsjelentés) (1991)
- IV. V.Ny. Zemszkov: GULAG tényekben, adatokban (1991)
- V. Népiirtás a Szovjetunióban (Gulag, kuláktalanítás, náci genocídium az adatok tükrében) (1992)
- VI. A jelcini gazdaságpolitika alternatívái (Szakértői jelentés) (1992)
- VII. Varga Lajos: Ukrajna. Történeti áttekintés (1993)
- VIII. 1917. Orosz forradalom - szovjet történelem (1993)
- IX. A rendszerváltás a Szovjetunióban a tények tükrében (1989–1991) (1993)
- X. Ronald Suny: Grúzok, örmények, azerbajdzsánok (Az etnikai konfliktusok története a Kaukázuson túli közösségekben) (1993)
- XI. Jelcin és a jelcinizmus (Szakértői jelentés) (1993)
- XII. Szemusin Dmitrij: Belorusszia rövid története (1996)
- XIII. Katona Magda: A közép-ázsiai etnikai konfliktusok történetéhez (1997)
- XIV. Конец Ельцинщины (1999)
- XV. Dokumentumok történeti ruszisztikánk tárgyköréből (2000)

XVI. Irina Glebova: Hogyan boldogult Oroszország a demokráciával? (2008)

XVII. Sz. Bíró Zoltán: Oroszország visszatérése (2008)

XVIII. Sz. Bíró Zoltán: Oroszország: válságos évek (2012)